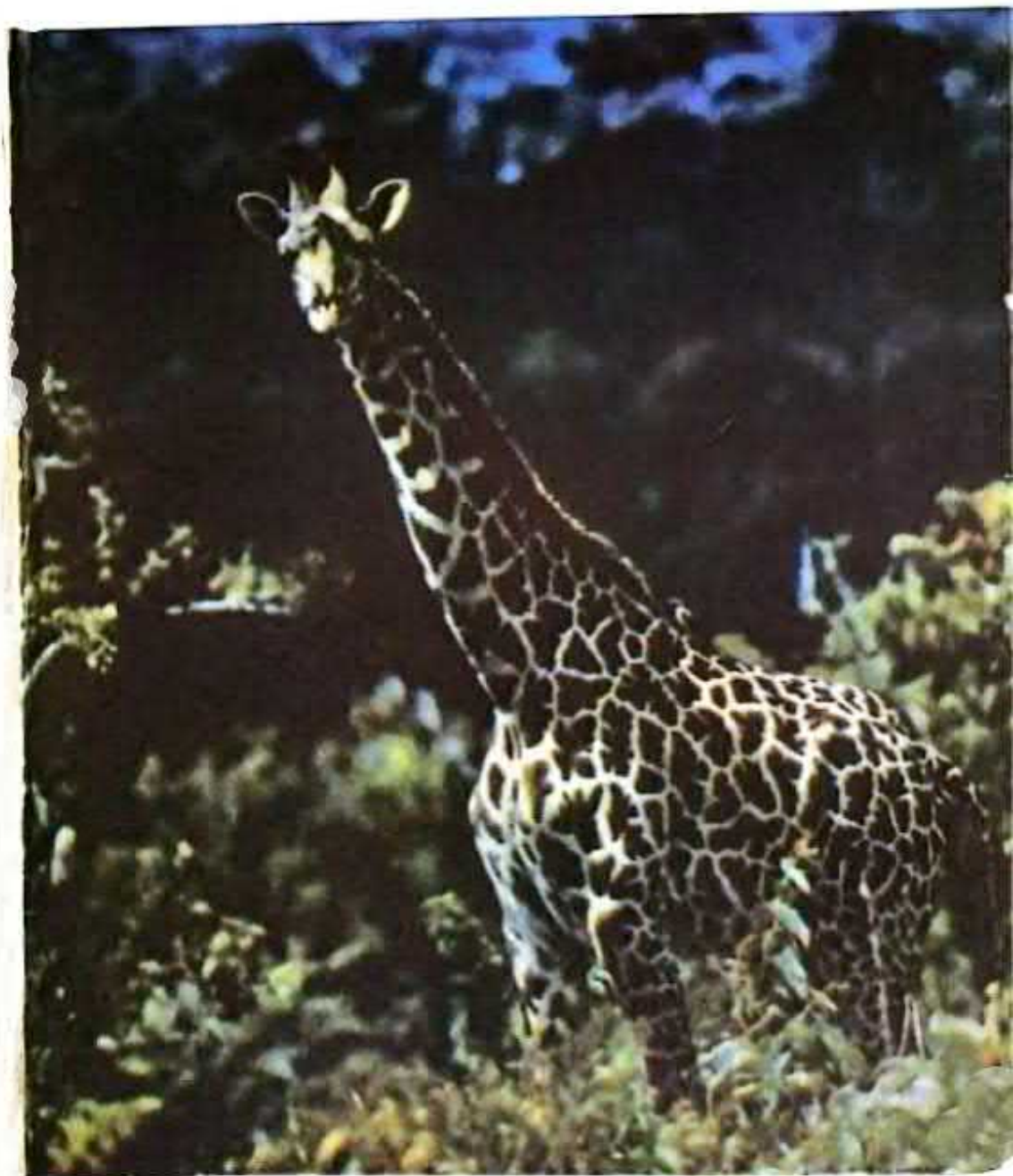
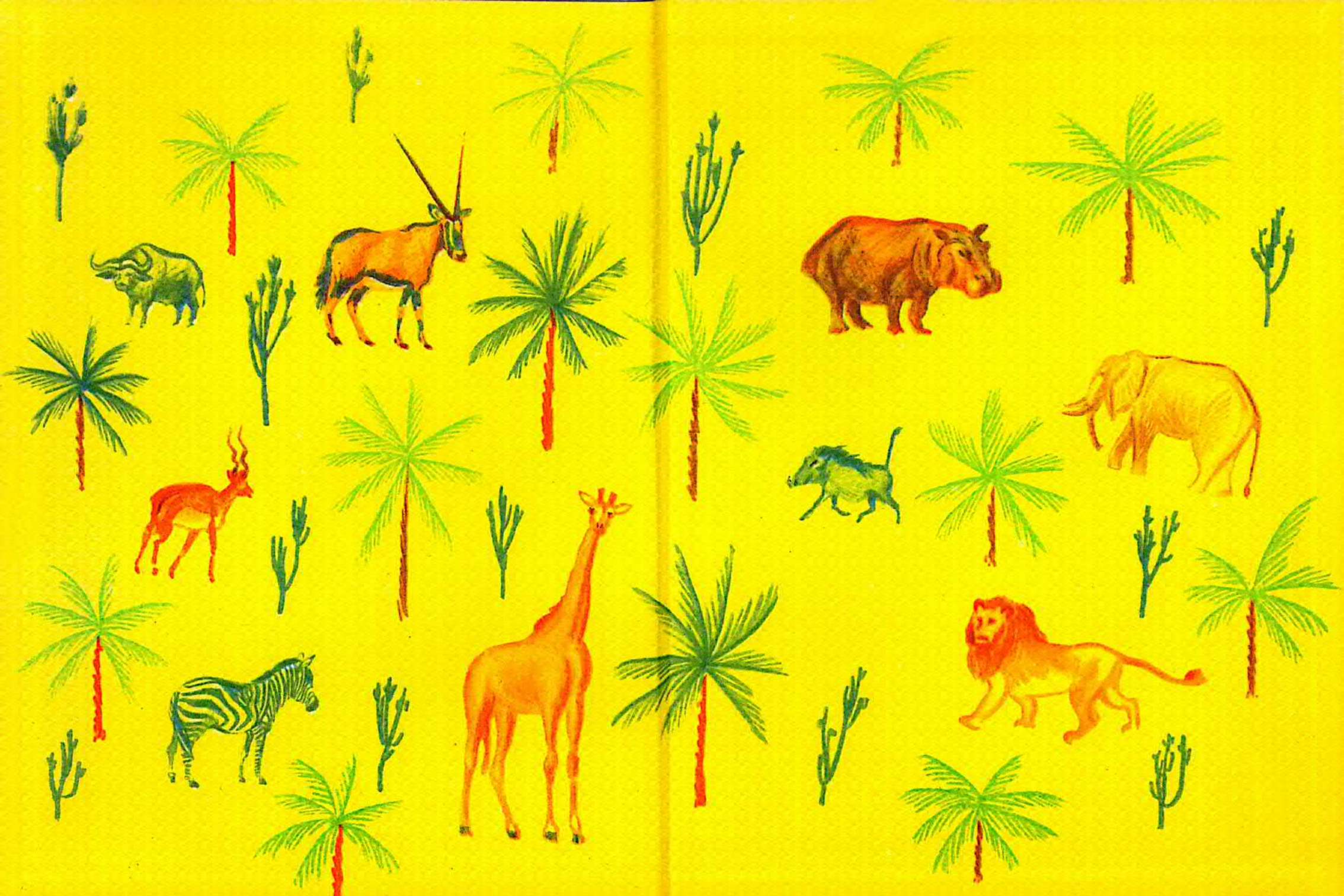

Н. СЛАДКОВ

МИОМБО

Н. Сладков

МИОМБО

Очерки

ЛЕНИНГРАД „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1976

ФОТО АВТОРА

МАКЕТ И ОФОРМЛЕНИЕ
А. КАРПОВА

Об Африке сейчас все знают всё. Особенно те, кто никогда в Африке не был. Гора Килиманджаро, озеро Виктория. Лес Итури, пустыня Калахари. Пигмеи, масаи, зулусы. Барабаны там-там и мухи цеце.

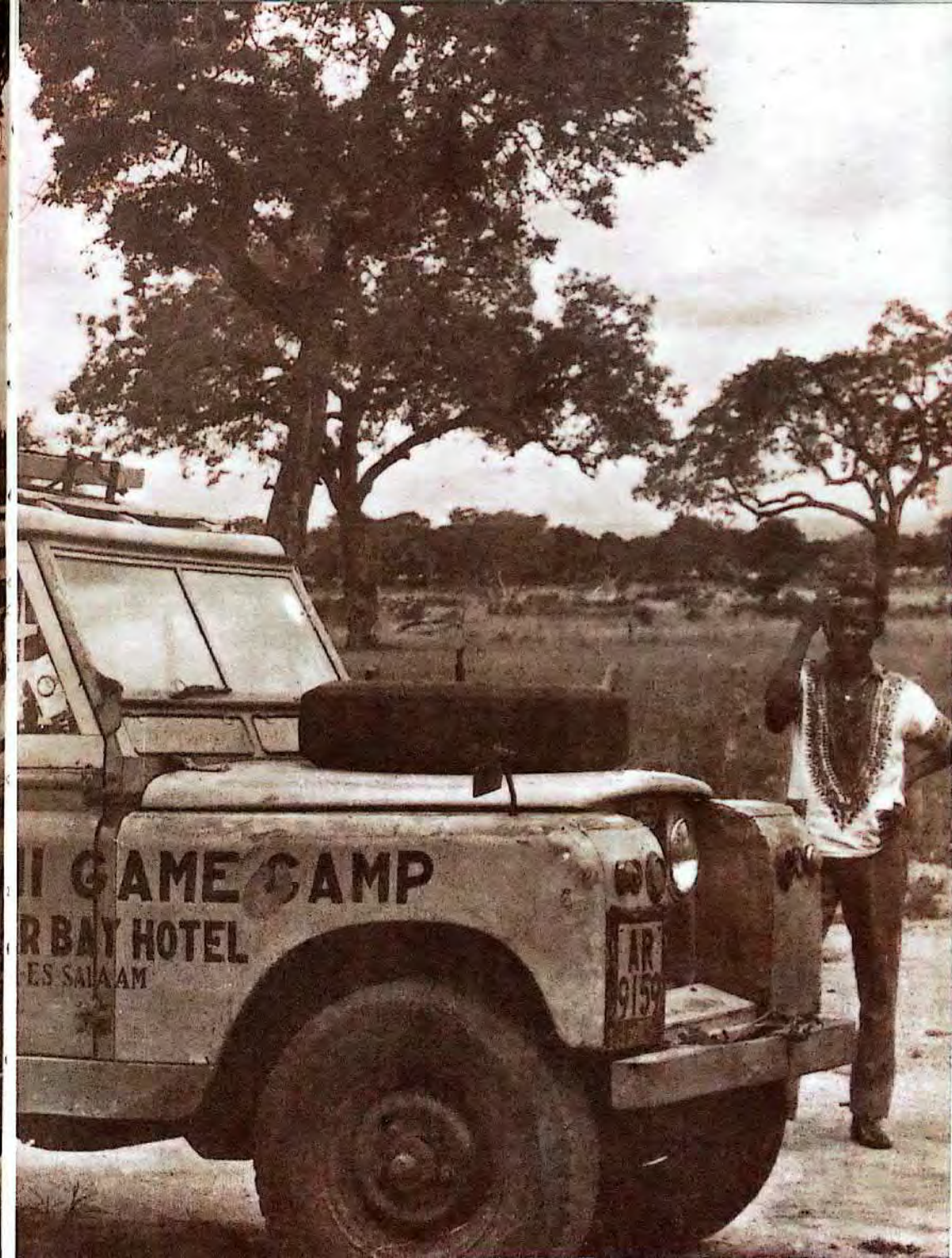
Когда я пытался рассказывать об Африке, меня слушали ровно минуту. А потом начинали подсказывать. А птица-секретарь? А львы-людоеды? А тропическая жара, тропические дожди, тропические леса и тропическая лихорадка?

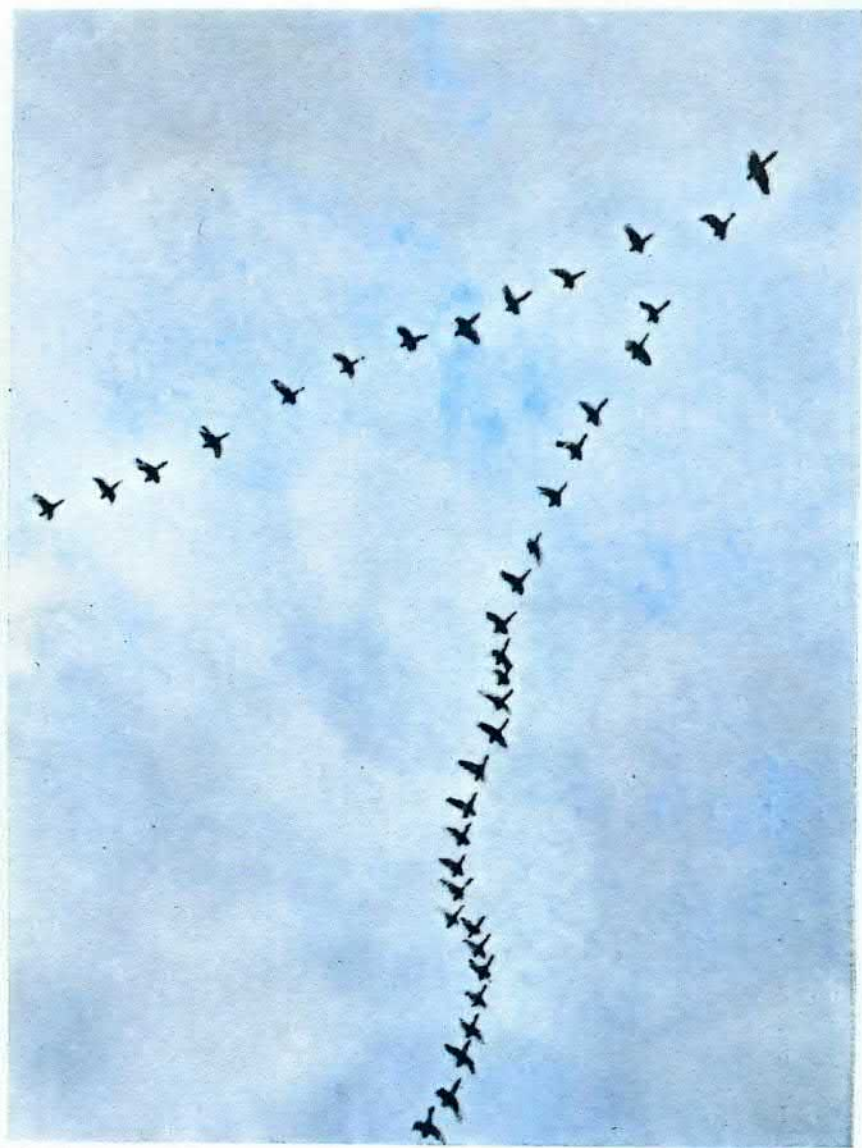
Через две минуты уже не я рассказывал об Африке, а мне рассказывали о ней. Я взбунтовался.

А знаете ли вы, что такое

МИОМБО?

Наконец-то никто не знал!

Я рад, что не уподобился кулику, который всю жизнь хвалит только свое болото. Природа везде хороша: тайга и джунгли, степи и саванна, болота и горы. Даже пустыня и тундра не ошибки природы: и у них свой смысл и своя красота. Нет, конечно, милее и ближе земли, на которой ты рос. Но надо знать и ту землю, на которой мы все живем. Я не бывал еще в Африке и считал это большим упущением.

И вот в Африку — дорогою журавлей! Путем, проторенным еще перелетными птицами. Теперь по нему летят самолеты. Из Крыма над Черным морем, над Турцией, над морем Средиземным. Туда, где лазурные воды Средиземного моря замутил могучий Нил.

Вот когда во всей грандиозности представился мне перелетный путь птиц! Не задумываясь, произносим мы: «Осенью птицы улетают в Африку, а весной возвращаются». Если б мы знали, как этот путь далек и тяжел!

Человеческие путешествия все облегчаются и упрощаются; перелеты птиц становятся все трудней и трудней. Все меньше в пути мест, пригодных для птичьего отдыха: вспахиваются степи, осушаются болота, загрязняются реки, заселяются когда-то безлюдные пустоши. Все опасней птицам спускаться на землю, все скуднее места их кормежек, все трудней и трудней набираться сил для далекого перелета. Разбитой и ухабистой стала наторенная птичья дорога, а силы все те же, птички. И та же птичья навигация — таинственные импульсы и ощущения. Мотор — сердце, движитель — крылья. А горючее — свое же тело.

Мы с вами ухитряемся заблудиться в своем же городе — птицы не теряются и в чужих странах. Мы беспомощно озираемся, попав в пригородный лес или на луг, — птицы уверенно летят через пустыни, моря и горы. Птицы везде как дома, хоть нет у них ни карты, ни компаса.

Наши журавли так же уверенно шагают по отмелям Нила, поглядывая на бегемотов, как шагали они по новгородским болотам, высматривая лягушек. Наш куличок-перевозчик смело выклеивает пиявок из крокодильей пасти. Трясогузка семенит по слоновьей спине, как по крыше. Чайки путаются в ногах у марабу. Птицы умеют ужиться и в новых местах, и среди новых соседей. Но все меньше остается пригодных для них мест. А безопасных и совсем уже не осталось.

Среди перелетных птиц все время идет отсев. Сито природы отсеет слабых, глупых, неприспособленных. Для весеннего «посева» природа оставит только «отборное зерно». Но есть еще одно сито — охотничье. Оно отсеивает доверчивых. А потом, когда доверчивых не останется, начинает отсеивать без разбора. На всем долгом птичьим пути — в тысячи километров! — бушует свинцовый шквал. Что по срав-

нению с ним все бури и шквалы природы! Свинцовой метелью провожают охотники птиц осенью и свинцовым штормом встречают весной. На всем птичьем пути земля опутана паутиной ловчих сетей. Все годится на кухню: от гуся до жаворонка, от куропатки до соловья.

Весной к нам с зимовок возвращаются лишь уцелевшие. И снова свинцовый шквал по всему пути. Только счастливчики вернутся на родину...

У каждого своя Африка. У меня даже две. Одна — которую я представляю по книгам, и вторая — которую я вижу сейчас с высоты птичьего полета. Самолет висит в темноте и жужжит, как тяжелый шмель. В салоне притушены огни, откинута кресла; сонные головы, бледные лица. В черном иллюминаторе нервные сполохи холодных огней на распростертом крыле.

Внизу под нами Египет. Созвездия и россыпи огоньков — на немислимой глубине! Тесно обжитая широкая дельта Нила.

Каир. Ночная посадка и взлет. И снова гудение шмеля и недвижимое парение в темноте. Ночной завтрак над Ливийской пустыней. Удобное кресло, удобный столик. Чай, пирожное, апельсин. Влажная салфеточка для пальцев. А за стеночкой толщиной в сантиметр полярный мороз в пятьдесят градусов. А внизу — в Триполи! — самое жаркое место на земле; в тени случается до шестидесяти!

Вот так теперь пересекают пустыни. Очень удобно и... скучно. Месяцами когда-то тянулись караваны верблюдов. Унылая тягучая монотонность и опаляющая жара. И въедливая мечта о воде: теплой, вонючей, полусоленой. Любой! Зыбкие миражи висели над горизонтом, и косматые черные тучи виляли хвостами смерчей. Ветер гнал поземку песка.

Теперь мы сами летим быстрее ветра. Выигрываем в скорости и удобствах, но теряем ощущение земли под ногами. Не можем коснуться рукой лика земли. Смотрим на нее свысока.

Первое утро над африканской землей. Кто уткнулся в иллюминатор, кто в газету. Дреmlют, пудрят носы, рассказывают анекдоты. Разгадывают кроссворд. От себя не сбежишь. Ты везде ты: в небе и под водой. Это к тому, что человек не изменится, если его пересадить с последней парты на первую. Сколько ребят отправляются за «романтикой» на Дальний Восток или дальний Север. А она, романтика, внутри нас. И если ты не видишь ничего «романтичного» рядом, то не увидишь и за горизонтом.

— Название африканской реки из трех букв? — оборачивается любитель кроссворда.

Я тычу пальцем в иллюминатор. Под нами Нил. Любитель радостно улыбается и кивает. И... снова утыкается в свой кроссворд!

Нил еще толком не виден, внизу еще ночь. Но над черной гигантской выпуклостью земли засветилась уже рассветная радуга. Дуга из красного, желтого, зеленого и голубого. Цветная окаёмка ночного края Земли, пологой выпуклости земного шара. Так вот какова заря с высоты в одиннадцать километров!

У пешего путешественника свои преимущества и свои радости. Но такой зари-радуги над горизонтом ему не увидеть. Не увидеть ее и журавлям перелетным: они летят куда ниже.

Глубоко внизу из летучей мглы все яснее выявляется бронзовая равнина. Вот так видится сквозь воду морское песчаное дно. Мозолистые бугры — холмы и горы. Извилистые морщины — русла высохших рек, знаменитые вади. Трещинки и царапинки — ущелья и сухие овраги. Щербатая, огрубелая ладонь Нубийской пустыни. Кованый барельеф на темном листе старой меди. Ни деревца, ни жилья. Высыхая до звона земля.

...Шесть сорок пять. Наверху у нас взошло солнце. Ослепительные лучи пронзили иллюминаторы и залили салон нестерпимым сиянием. Конец сонной ночной одури и затекшему оцепенению; все задвигались, заговорили. Задерживают иллюминаторы фильтрами; мир за окошком из желтого становится голубым.

Наверху ясный день, а внизу еще сумрак раннего утра. Внизу распластался Судан.

Все тот же цвет меди и ржавчины. Африка сверху все больше и больше не походила на ту, которую мы знаем по книгам, которую «знают все». «Африканские джунгли, тропические леса», а внизу мертвая распластанная земля...

Наконец-то снова Нил! Чеканный серый извив на мутно-лиловой равнине. Полоска старого серебра на бронзовом древнем щите. Отара курчавых беленьких облачков у берега — словно стадо барашков на водопое. Даже облака боятся отбиться от живой воды и затеряться в раскаленной мертвой пустыне. Где же конец этой ржавой голой земле?

Вот так же однажды я с нетерпением ждал джунгли Индии. А внизу тянулись и тянулись желтые и бронзовые пустыни. Каракумы, пустынные горы Афганистана, пакистанские полупустыни. Индия встретила пыльной пустыней Тар! Машина катила к Джайпуру, и ветер навевал на дорогу раздвоенные песчаные языки. Песчаный крокодил — варан — вразвалку шагал по обочине.

Скоро Хартум — столица Судана. Внизу россыпи серых домов на укатанной ветром голой равнине. Вроде кучек гравия на голом асфальте. Блестящая паутина дорог. Длинные

шлейфы пыли за невидимыми автомобилями, словно пылят поры земли.

Позади пустыни Нубийская, Ливийская и Аравийская. Пол-Африки! А зелени и не видно. А ведь эти пустыни лишь окраина гигантской пустыни Сахары.

Тянется через пустыни Нил — ниточка жизни. Жизнь, повисшая на волоске. Все жмется к воде: поля, сады, города, деревни, дороги. Даже облака боятся сдвинуться в сторону.

Этой узкой дорогой над живой жилкой воды летят над Африкой и журавли. У Хартума открывается им сверху слияние рек Бахр-эль-Азрак и Бахр-эль-Абьяд, Белого и Голубого Нила. Это мы, люди, так называли их — Белым и Голубым. Для журавлей они сверху совсем одинаковые. Для нас, впрочем, тоже: серые, серебристые, в лилово-бронзовых берегах. Поперек длинный мост, как тонкая спичка, положенная поперек мутной струйки воды.

Начало обетованной журавлиной земли. Тут, на Белом и Голубом Ниле, проводят они нашу зиму: с ноября по апрель. Они снова вернутся к нам весной, если на этом зеленом пятнышке ничего не случится...

Мы не задумывались и не очень-то берегли жизнь на Земле. Она казалась нам безграничной и вездесущей. Верили, что и на Луне живут люди. А уж на Марсе-то непременно: там же каналы! А где люди, там непременно и бесчисленное множество разных существ. А уж Африка, Индия представлялись нам чем-то вроде зоопарков без клеток. Везде пальмы, пальмы, пальмы. А на пальмах кокосы, финики и бананы, попугаи и обезьяны. А под пальмами кишат — непременно кишат! — слоны, носороги и бегемоты. Ногу поставить некуда — как распорванный муравейник!

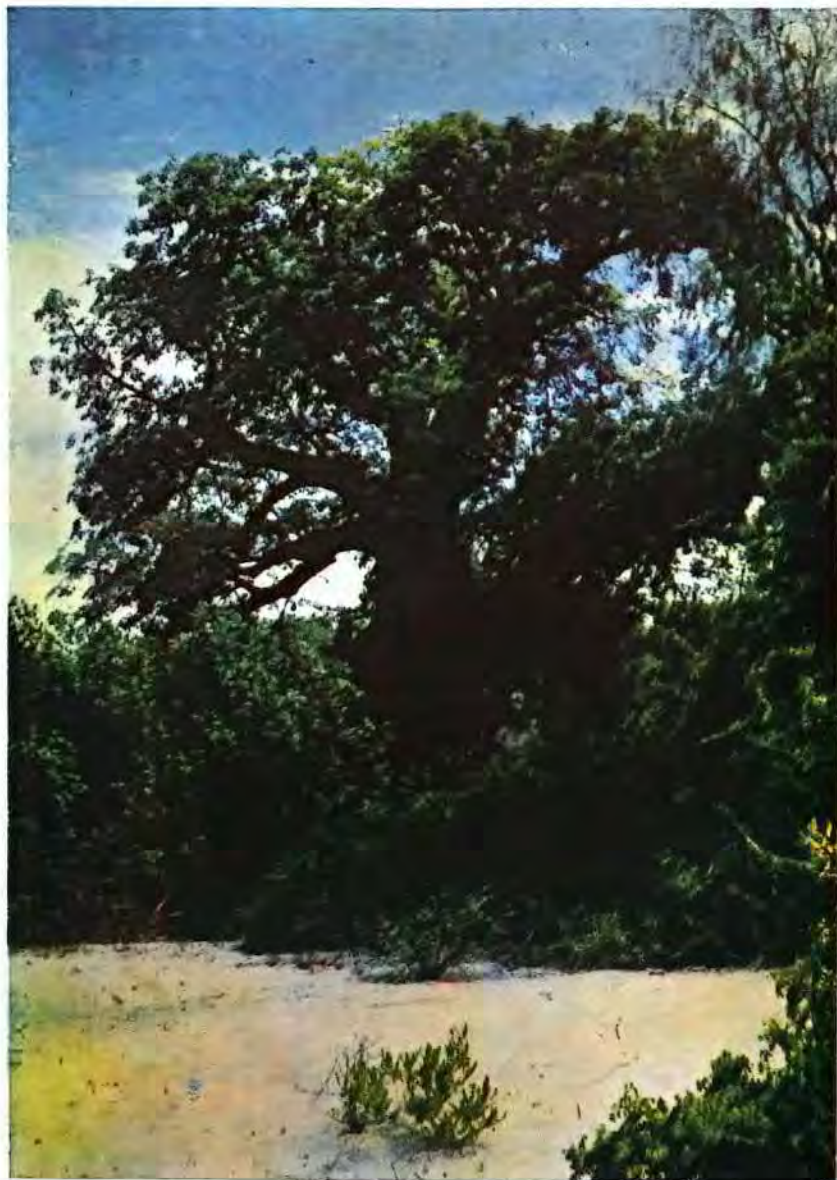
Но скоро пришло время разочарований. На Луне жизни нет, своими глазами увидели. Марсианские каналы — совсем не каналы. Планеты — соседи Земли — мертвы. Да уж есть ли жизнь вообще в пределах человеческой досягаемости? Может, ее и нет совсем?

Что, если мы одиноки? И во всей Вселенной лишь на Земле теплится жизнь? Искра жизни в безжизненном океане...

В Индии осталось сто львов, в Африке несколько сотен горилл. Шимпанзе и орангутангов приходится из зоопарков выпускать в джунгли. По пальцам можно пересчитать китайских бамбуковых медведей, индийских дымчатых леопардов, африканских белых носорогов. Наших тигров, барсов, гепардов.

Океан, на который так все надеялись, оказался заселенным только у берегов, дальше — синяя водяная пустыня.

...Хартум. Сизоватая полынная степь. Как много неба над головой! И солнце, и ветер. Коршун листом бурой бумаги раскачивается

на ветру. Промельтешили в солнечном мареве рябки-бульдурки. Степной солнечный ветер — сухой, терпкий и свежий. Не знай, что это Судан, можно спутать и с Казахстаном.

Цветет желтая акация. Под застрехой аэровокзала уютно чирикают воробьи. Воробьи тащат травинки для гнезд. Кивая головкой, вышагивает трясогузка.

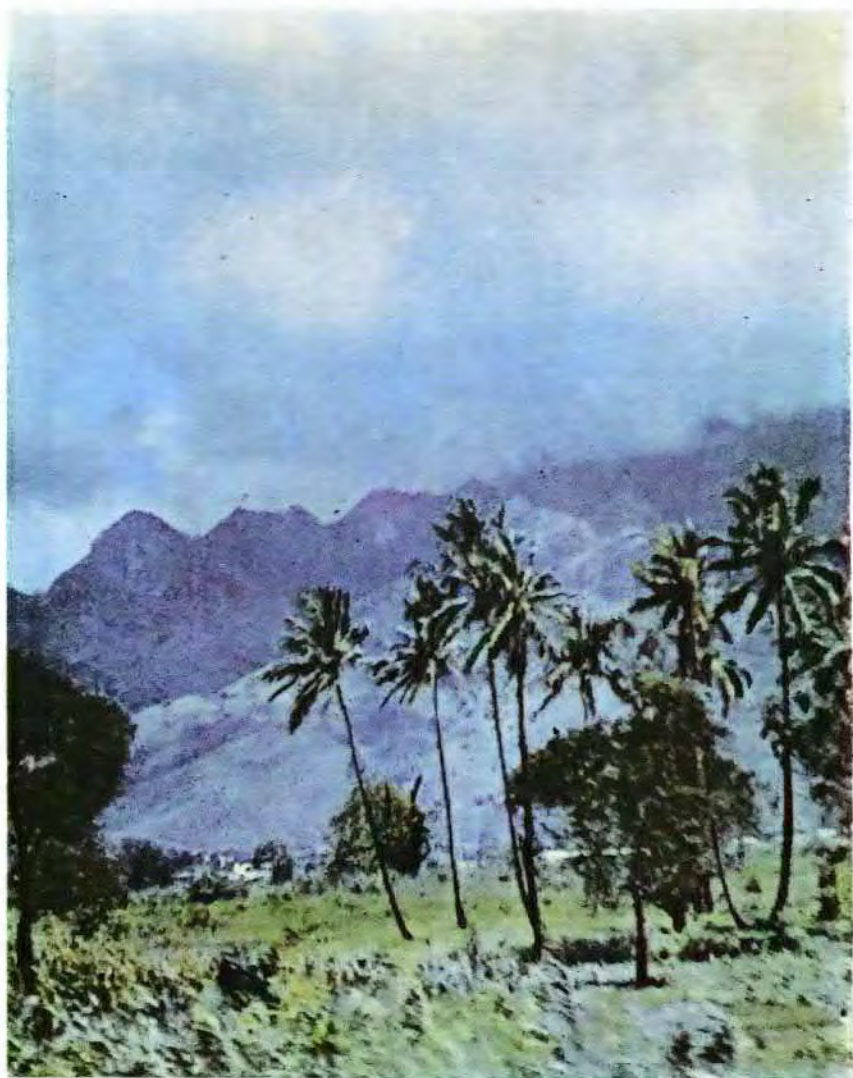
У перил аэропорта люди: в фесках, в белых балахонах до пят. Шлепанцы на босу ногу, в черных руках белые четки.

За Хартумом земля сверху похожа на старую замшевую куртку с залысинами и заплатами. Блестящие змейки каналов. Черные, желтые и зеленые заплатки полей. Залысины отполированной ветром пустоши. Серые галечники вдоль серого Нила. Запыленная хилая зелень.

... Ленч: мясо, яйцо, бананы, чай. Пока жуем, земля под нами меняется. Расплылось внизу огромное оливковое пятно, похожее на разлапистого осьминога. Это разливы Нила. Огромные болота папируса и тростника, камыша и осок, лотосов и кувшинок. Старицы, проливы, заливы. По-местному — сэдды. Нил теряется и расплывается в этих болотах, протянувшихся на полтысячи километров.

Топи, протоки, рукава и лагуны. Хаос воды, зарослей, плавучих островов. Места, где и теперь еще застревают пароходы. Рай для болотных и водоплавающих птиц. Убежище для слонов, бегемотов, буйволов и крокодилов. Родина самой причудливой цапли на земле — китоголовой.

Это моя книжная Африка. А с самолетной высоты видно только расплывчатое оливковое пятно. Так, мокрая клякса на сухой земле. И высокие дымы пожарищ. Перед сезоном дождей жители жгут высушенные тростники. Пожарища дымят, как вулканы.

СНЕГ
НА ЭКВАТОРЕ

Тень самолета скользит по Африке, как указка по карте. Египет, Судан, Уганда. Озеро Альберта...

Вытянутая, сияющая в оранжевых берегах лазурная гладь. Под нами озеро сужается в клин; как два голубых усика извиваются на конце клина сразу два Нила: Виктория-Нил и Альберт-Нил. Сколько же этих Ниллов? Белый, Голубой, Альберта и Виктории! И просто Нил — после слияния Белого и Голубого.

Виктория-Нил втекает в озеро, и тут же, совсем рядышком, из озера вытекает Нил Альберта. Два усика на голубом носу длинного озера Альберта.

Тут есть где развернуться книжному знатоку Африки! Справа — Конго со знаменитым лесом Итури, в котором живут пигмеи и обитают гориллы. Под нами парк Мерчисон. В парке Мерчисон знаменитый водопад того же названия. Точнее, заповедник назвали так, как назван был водопад. Знаменитый водопад на известном всем Виктория-Ниле. И не менее известные огромные болота Кьога, сквозь которые пробивается Виктория-Нил.

Куда ни повернись, к какому иллюминатору ни прилепиться лбом, непременно уткнешься носом в знаменитое и известное. За что когда-то получал в школе двойки. Или пятерки.

Позади огромный Нил с четырьмя именами. Впереди еще более огромное озеро Виктория. Из него-то и вытекает Нил — «струйка» в шесть с половиною тысяч километров. «Водопровод», снабжающий водой три африканские страны. Африканская «дорога жизни». Миллионы кубометров воды вытекают из озера. А озеру хоть бы что, озеро Виктория больше нашего Аральского моря!

Садимся в Энтеббе. До экватора рукой подать, каких-нибудь пять километров. Можно бы и увидеть, если б экватор и в самом деле был.

Не очень-то жарко на этом экваторе — всего двадцать шесть. Парит, словно перед грозой. Грозовые тучи бродят по далеким холмам, над которыми мы только что пролетели. Кончилась наконец желтая Африка. От озера Альберта потянулись зеленые горы, темные пятна влажных лесов. Синие тучи волочат по ним обвислые подошвы дождей. И вдруг сочная синяя гладь — до самого горизонта! Озеро-море. Синее сердце Африки.

Берега озера выкроены кружевными фестонами. Все заливы оливковые, словно стоячая вода их затянута ряской. Но это не ряска, это густые и ровные, как посевы пшеницы, дебри папируса. Темный тропический лес надвинулся на папирусные заливы.

Однажды заказали художнику нарисовать тропический лес. А он его и в глаза не видел. Придвинул к окну кадку с пальмой, домашний фикус, горшок со столетником, бегонию, кактус — и срисовал. Принес, а его спрашивают: «Разве такой тропический лес?» — «А какой?» —

не растерялся художник. Повертели, посмотрели со всех сторон — и приняли. Шут его знает, какой он на самом деле! Кто его видел?

И я представлял тропический лес чем-то вроде цветочной оранжереи. А он не такой. Совсем не такой. И все же его куда легче нарисовать, чем описать. Гигантские, вздыбленные к солнцу деревья. Вершина каждого дерева как зеленое облако. И если сверху смотреть, вся земля внизу кажется затянутой густыми зелеными облаками. А если снизу — то «облака» эти закроют небо.

Сырость и духота. На редких прогалах с деревьев свисают мотки серых лиан. Нет, не берусь: не найти подходящих слов. Когда-то я вот так же беспомощно онемел, заглянув впервые в подводный мир...

Вокзал в Энтеббе застеклен, как аквариум. Рыбьими глазами смотрим в застекленную стену: душно. Не помогает даже сок со льдом. Но терпи, раз уж сидишь на экваторе!

Солнечное, зеленое поле аэродрома. Купы деревьев вдаль, похожие на скирды свежего сена. Длинный красный обрыв. Над ним кукурузное поле. Так мне кажется: в незнакомых местах невольно сравниваешь со знакомым. А это не кукуруза, а поле сахарного тростника. И те два журавля на поле — не наши серые журавли, а африканские венценосные. На головах у них султаны из золотых щетинок. Золотая королевская корона. Наши журавли уже не долетают сюда.

Экватор. Если встать на него, как на рельс, и развести в стороны руки для равновесия, то одна рука будет в лете, а другая в зиме! «Когда в северном полушарии лето, в южном — зима». Сейчас в северном полушарии начало весны. Значит, в южном конец осени? Так или не так? Что же тогда у нас получается: правая рука в марте, а левая — в декабре? Из весны в осень можно перешагнуть?

А вокруг — ни весна ни осень; ни март ни декабрь — лето! Круглый год! Невиданное время года — вечное лето...

Хорошо еще, что хоть время московское. Четверть Земли пролетели, а время московское! А то ведь по часам мог полдень быть, а вокруг ночь непроглядная. С широтами и долготами шутки плохи. Хоть они и условные...

Взлет. Пересекаем экватор — условную линию, разделяющую землю на два полушария. Внизу — ровная синевая воды озера-моря. Озеро Ньянца, уж потом названное первооткрывателями Виктория. Не странно ли: первооткрыватель

озера, на котором испокон века живут люди и которое давно имеет название!

На синей глади размытые пятна зеленой мути: то ли мели проглядывают, то ли вода цветет. Острова и островки; желто-зеленые, в белой окаемке песка. Висим между водой и небом, между синим и голубым. И четкая тень самолета скользит по синеве воды и пестроте островов.

Какой-то из этих островов называют Рубондо. Остров звериных робинзонов, остров спасения погибающих. Недавно на этот остров выпустили шимпанзе. Мало их осталось на воле. И вот собрали шимпанзе в зоопарках и выпустили на остров. Тут им никто не грозит: ни охотники, ни хищные звери. И разбежаться нельзя. Обезьяний закрытый рай.

Есть и у нас в Аральском море остров-заповедник: Барса-кельмес. На нем в свое время спасли антилоп-сайгаков и диких ослов-куланов. Сайгаки и куланы прижились на острове. Привыкли даже к соленой морской воде. Остров стал для них надежным убежищем в нашем быстро изменяющемся мире.

Настоящий остров спасения.

Сейчас уже немало таких островов: потерпевшие «крушение» птицы и звери спасаются на них, как робинзоны. А что, если отдать диким все заброшенные острова? Неужто мы не обойдемся без них?

Шимпанзе из Европы везут в... Африку! Диких зверей из городов везут в джунгли. Зоопарки возвращают природе долг. Брали, брали, а теперь возвращают...

Синяя-синяя гладь. С берега, рассказывают, на ближние острова изредка заплывают львы. В папирусах лежат бегемоты. Но разве их разглядишь с высоты — даже в лупу иллюминатора? Большие парусники и те кажутся искорками на волнах.

За озером — Кения. Снова просторы сухой, лиловатой земли. Крапинки деревьев вдоль сухих извилистых русел. Блестят селеница, как горстки толченого стекла: шифер и цинк крыш отражает солнце. Земля в праздничном бисере бус на красных нитях дорог.

Найроби, столица Кении. Сухо и жарко. Плюс двадцать девять. Снова ослепительная, почти казахстанская степь: ветер и солнце.

Всего полвека назад такое путешествие занимало годы. Теперь и сутки не кончились, а мы из ранней весны, потеряв по дороге лето, примчались в осень. Не плоха тут осень:

плюс двадцать девять! Солнце над самой макушкой, и тень твоя на твоих же ботинках!

Найроби — охотничий центр Африки. Тут организуются охотничьи экспедиции — сафари. Выдаются лицензии на отстрел слонов, львов, буйволов. Нанимаются проводники — охотники-профессионалы. Следопыты, оруженосцы, съемщики шкур, выделыватели рогов. Выдаются палатки с приемниками и передатчиками, палатки-столовые, палатки-спальни, палатки с ванной и душем. Крахмальные скатерти, простыни, холодильники. Следопыты найдут зверя, проводник-охотник подвезет к нему на вездеходе-лендровере. Клиент — тут уж ты не охотник, а клиент! — выйдет из машины — таково правило. Оруженосец подаст тяжелое ружье. Проводник встанет для страховки рядом. Прогремит выстрел.

Что же при этом испытывает охотник-спортсмен, ради чего он рвался за тридевять земель? Послушаем их самих: «Пуля мокро шлепнула — угодила в брюхо». «Сернобык упал, дрыгая ногами, раньше, чем я услышал треск пули, раздробившей кость». «Послышался хряск пули — и куду тяжело встал на дыбы».

Охотник не спеша садится в лендровер: без него снимут шкуру и обработают рога. Где же Соколиный Глаз и Ястребиный Коготь? Где же ловкость, смелость, смекалка? Ночевки у костра на ворохе веток?

Что же осталось тут от охоты? Только выстрел. И «хряск пули»...

На стенах аэровокзала развешаны копыта, луки и стрелы. Метелки из хвостов зебр и жирафов. В витринах — когти львов, леопардов и крокодилов, обрамленные в золото. Парадный вход в охотничью столицу мира.

За Найроби знойная желтая степь. Рябит темными пятнами и кругами — как леопардовая шкура. Сухие светлые русла вади обысканы булавочками акаций. Начало масайских степей.

Из весны в осень, минуя лето. А где же зима?

Вот она — на вершине Килиманджаро. На Белой горе масайских духов высотой в 6010 метров. Снег и лед посреди вечного лета.

Когда-то представлялось нам, что африканцы никогда не видели снега. А снег — вот он, сразу же за экватором! И видно его на сотни километров вокруг.

Много еще сохранилось мест на земле, которым хочется поклониться. Горе Килиманджаро кланяешься невольно, уткнувшись лбом в холодный иллюминатор. Снежная громада в пышном облачном воротнике. Белый парящий остров над лиловой дымкой масайских степей. Что-то вроде загадочного «летающего блюда», висящего на высоте в шесть километров.

На округлой вершине дыра — кратер Кибо. Кибо — двойной

кратер. Фарфоровая чаша шириной в два с половиной километра, а в ней чаша черная, шириной в семьсот метров. Кратер в кратере.

Второй выступ горы — вершина Мавензи. Она чуть выглядывает из облаков.

Медленно уплывает назад сияющая Килиманджаро, обитель бога Мунги.

«Килиманджаро» расшифровывают по-разному. Килимана Нгара — сияющая гора. Килима Ндшаро — гора злого духа. И даже — как «гора живой воды». Я на любое согласен: это куда лучше, чем всякие Альберты и Эдуарды. Столько наляпано на землю имен, недостойных ее! Сплошь и рядом...

Исчезло вдали белое чудо Африки — арктические снега над тропическими облаками.

Внизу Танзания, бывшая Танганьика. Вспоминаются роскошные почтовые марки с пальмами, жирафами и слонами. Треугольником, ромбом, квадратом. Сказочная Танганьика нашего детства. Потом Танганьика школьная. Караваны черных рабов, невольничий рынок на Занзибаре. Стенли ищет пропавшего Левингстона. Саванны и джунгли, кишасшие хищными зверями. Мамбы, кобры, там-тамы...

И вот Танзания — независимая африканская страна. Танзания не на марках, не на страницах учебника, а под крылом самолета.

В Танзании много заповедной земли. В этом смысле маленькая Танзания может служить примером многим большим странам. Пролетели над пограничным с Кенией парком Амбосели, парк на склонах Килиманджаро, танзанийской частью парка Цаво, резервации Саадани на берегу Индийского океана. Справа остались знаменитые парки Меру, Нгоро-Нгоро и Серенгети. И это только часть танзанийских парков. Танзании они не в обузу: заповедники приносят доход. Поэтому их даже пытаются расширять за счет земель бросовых и плохих. В местах, где сейчас с трудом кормятся жалкие стада захудалых коров, могут процветать и множиться огромные стада буйволов, антилоп, слонов и жирафов. Коровы поедают только траву — да и ту с выбором! Дикие стада используют все: траву, ветки кустов, листья деревьев. Они не мешают друг другу, каждый поедает свое. Кабаны выкапывают клубни, антилопы щиплют траву, носороги объедают кусты, слоны и жирафы — листья с деревьев.

Дикие стада не надо пасти. Они хорошо приспособлены к климату, им не страшны ни засуха, ни заливные дожди. Им даже не страшна муха цеце, из-за которой в целых районах нельзя разводить домашний скот.

Удивительно, конечно, что африканцы у самого экватора видят снег. Еще удивительней, что далеко не каждый африканец видел живого слона или жирафа! Дикие звери остались лишь в заповедни-

ках: на открытых землях звери стали в диковину. Один африканец не узнал на рисунке льва! Впрочем, это был, наверное, не любознательный африканец. И у нас есть такие, которые пингвина назовут дельфином, пеликана — гусем, а журавля — страусом.

Все больше внизу облаков, все зеленей между ними земля. Чувствуется влажное дыхание близкого океана. Где-то там, между облачными кочками цветной капусты, зеленеет и миомбо. Но я еще не знаю об этом. Я пока даже слова такого не слышал. Потом, позже, я открою его для себя. И мне так захочется рассказать об этом, что я напишу эту книгу...

А вот и океан! Туманно-синий, до самого края земли. Купы кучевых облаков лежат на воде, как белые гигантские лилии.

Бурый ромб острова в барашковой белой папаше из облаков. Горстка камешков у воды — город. Город Занзибар и остров Занзибар. А между Занзибаром и Африкой немыслимой синевы океан.

Африканский зеленый берег в белой каемке кораллового песка. Извилистая белая лента между зеленым и синим, между джунглями и водой. В воде у берега малахитовые фестоны; сквозь воду проступают мели и рифы. За зелеными фестонами мелководья сразу пугающая сине-лиловая глубина. Позже, плыва в таких местах с маской, я видел их уже не мутно-зелеными, а всех возможных акварельных цветов. И всех мыслимых и немыслимых расцветок парили над

кораллами рыбы и ползали крабы. Подводная красота, скрытая от человеческих глаз! Для кого она?

Вглядываясь в малахитовые разводы мелководья, невольно ищешь глазом темные торпеды акул: уж очень подходящее место!

Плавный разворот над землей, утыканной пальмами. Сверху похожи они на прижухлый от заморозка багульник: голый стебель и зеленый вихор на макушке!

Квадратики кварталов Дар-эс-Салама. Все несется мимо, вот мягкий толчок и дробная дрожь. Самолет подруливает к аэровокзалу.

Шагаю по танзанийской земле. Не сверху вниз смотрю на нее, я с нею теперь с глазу на глаз. Дышу танзанийским воздухом. Смотрю в танзанийское небо.

Щурюсь от сияния солнца и белизны домов. Огненно-алым цветут «рождественские» деревья — раскидистые акации, зацветающие под рождество. Старые большие стручки висят на них словно копченые колбасы. Жестко, как жестяные, трутся над головой листья кокосовых пальм; черные тени от длинных листьев секутся на пышущей жаром земле. На какой там земле — на асфальте!

Вездесущий асфальт: он даже здесь, в сердце Африки. Как серый лишай расползается асфальт по земле, подминая под себя целые страны, хороня живую землю. Могильная плита на цветах

и травах. Мертвая пустыня, созданная человеческими руками. А на земле и без того много пустынь. Две гигантские африканские пустыни, Сахара и Калахари, расползаются вширь. Сухие ладони их все туже сжимаются на зеленом горле Африки.

Асфальт, асфальт. Раздраженно шагаю на обочину, на газон — пусть оштрафуют! Зато почувствую под ногой настоящую землю Танзании.

Дар-эс-Салам — столица. Приятная уличная толпа, яркая и пестрая, но не шумная, не назойливая. Настоянные зноем улицы: нестерпимый свет солнечной стороны и мягкая темнота стороны теневой. Бесчисленные лавочки и магазинчики; глаза в них разбегаются от яркости и пестроты!

Бело-розовые кварталы индийцев. Балкончики, терраски, колонны, фестоны. И веревки с бельем! Точь-в-точь как в Бомбее или Джайпуре. Индийцы тут сохранили не только свой язык, но и архитектуру домов.

Прямо на панели уличные торговцы разложили сувениры, фигурки из черного дерева: люди, львы, слоны, носороги. Щиты, копья, луки и стрелы. Маски, барабаны, ступы. Сияют раковины: от крохотных, с пуговицу, до огромных, как духовая труба. Кусты белых кораллов. Костяные пилы в человеческий рост — носы рыбы-пилы.

На рассвете в городе звонко перекликаются майны. Рассветает тут — круглый год! — в семь часов. Еще в темноте слышно пение муллы на минарете. У него усилитель; песня слышна на много кварталов. Потом перезвон легких колоколов в соседней церкви. В темном дверном проеме — огоньки свечей, тени людей, звуки органа. И все нарастающий, как прибой, шорох и повизгивание машин. К восходу солнца этот шум затопит все другие звуки.

Так просыпается город. Резкое утреннее солнце делает город рельефным и ярким. Кофейные до блеска лица, белые зубы, розовые ладони. Белые, оранжевые, голубые рубахи мужчин. Узкие длинные пестрые платья женщин. Юг не может быть тусклым.

Конец марта. У нас сейчас кричат: «Закройте окно, холодно!» А тут кричат: «Закройте окно, жарко!» Потому что в окно тянет жарой, как из открытой печи! Откроешь — и ошпарит, как кипятком.

Лопочут крыльями голуби, чирикают воробьи. На кокосовой пальме, высокой, как мачта, сорока сидит! Надо же: сорока на пальме! А это и не сорока, а — того хлеще! — ворона белая. Люди черные, вороны белые...

У каждого человека свой глаз. Мой и в городе сразу воробьев и белых ворон увидел. С таким глазом бесполезно браться за описание города: самый лучший город получится как плохой зоопарк! По-

тому я и рвался из города куда глаза глядят. А глаза мои глядят в лес...

Краешек танзанийского леса. Непривычный шум пальм — жесткий шорох узких зеленых листьев. Голые тонкие стволы с зеленым пучком на макушке. А под пучком — серьги-бомбошки — зеленые шары орехов. И каждый с футбольный мяч! Непривычно шагать по лесу словно из тонких бетонных столбов. И столбы эти раскачиваются и гнутся. И все боишься, не сорвался б от ветра орех, не пришиб бы, как муравья!

Пальма-столб, пальма-веретено, пальма-мачта. Пальма о трех концах — как канделябр. Стебли сизаля, похожие на вешалку для шляп. Обтрепанные ветром широкие зеленые полотнища — листья бананов. Папайи, как зонтики из перьев страуса с костяной ручкой. Толстяки баобабы: тянули дед с бабкой редьку, наполовину вытащили, да и бросили. В таком лесу год надо прожить, чтоб хоть перестать ходить по нему с разинутым ртом. Ох, могуча природа на выдумки!

Соломенный навес у дороги. Под ним шеренга черных людей из черного дерева. Резные фигурки. Их тут вырезают из черных поленьев. Пахнет эбеновой стружкой.

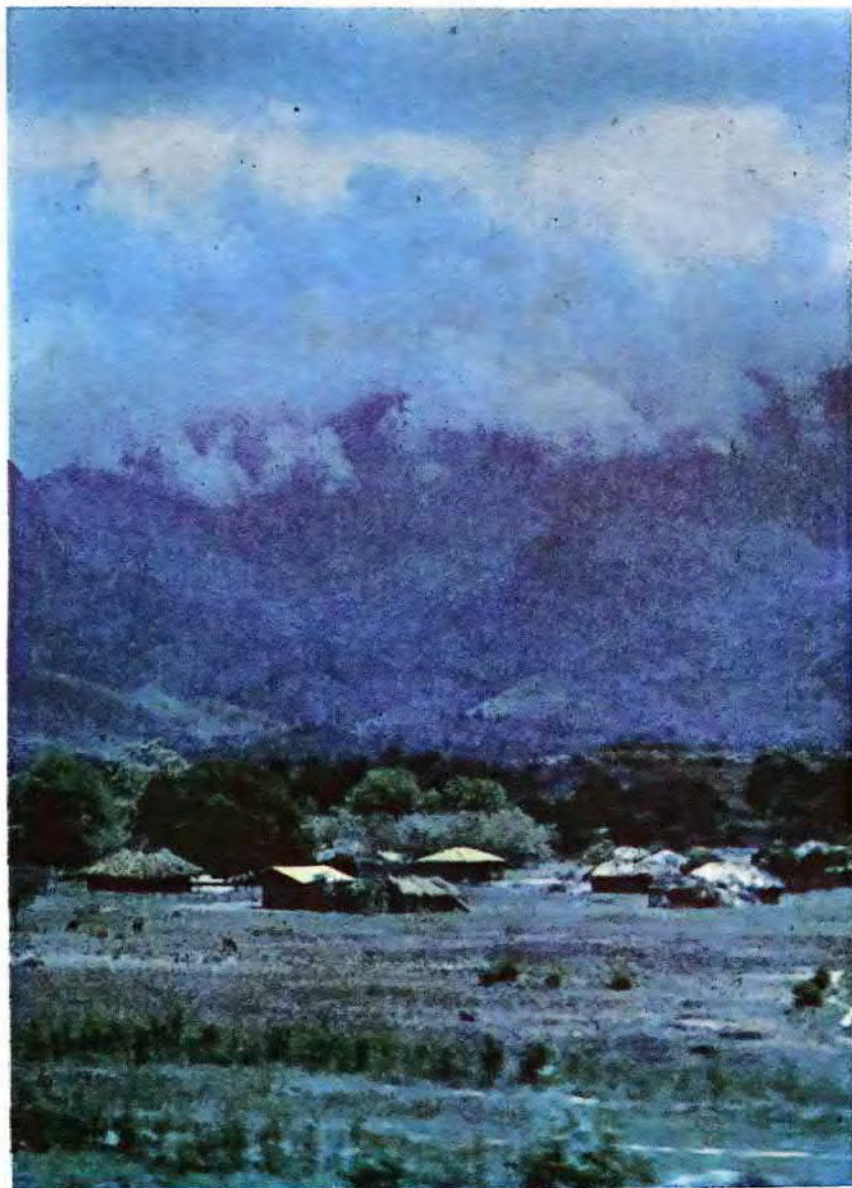
Еще навес. Под ним раковины: жемчужницы, сияющие перламутром, красные раковины «бычьих губ», пятнистые раковины, похожие на блестящих фарфоровых нерп. Зубатые акулы челюсти, разинутые как капканы. В иные голову можно просунуть. Пахнет тухлой рыбой, гудят роем мухи.

Рыбак вынес к дороге лангустов. Раки ростом с комнатную собаку поводят усами, шуршат, пускают пузыри.

Камышовое болотце у моста. Над камышом клубится рой грифов: мелькают крылья, хвосты, голые шеи и лапы. Что-то нашли в камыше. А рядом на серой сушине нахохлились две тусклых цапли-молотоглава.

Квохчут в кустах невидимые цесарки; по голосам узнаю. Всполошились, забарахтались, удирая в кусты, рябенькие куропатки, на наших турачей похожие. А через солнечную поляну по-собачьи просакала длинноногая — или длиннорукая? — обезьяна.

Лишь чуточку приоткрылся танзанийский лес, чтоб только сильнее раззадорить.

Прощай город, прощай океан. Прощай ближний лес—едем в дальний. Всякое прощание грустно, но впереди дальний путь и новые встречи. Не так-то было просто выкарабкаться из города, но все позади. Сафари началось!

Когда-то «сафари» означало большое и долгое охотничье путешествие. Караван носильщиков, охрана из воинов, белые охотники в тропических шлемах. Потом «сафари» стали называть обычный охотничий выезд на одном-двух вездеходах-лендроверах. Теперь «сафари» называют простую поездку за город миль за сто—двести. Есть уже фото- и киносфари. Поэтому со спокойной совестью провозглашаю: сафари началось! И путь наш в миомбо — не забыли о нем? Манящее и таинственное миомбо.

Колеса шипят по асфальту, африканский ветер засвистывает в стекло. Позади город и пригород. По сторонам сизалевые поля, рощи разлохмаченных ветрами бананов, густые леса орехов-кешуа, плантации маниоки.

Как невозможно сейчас представить поля Европы без картошки, так и поля Африки без бананов и маниоки. А ведь они, бананы и маниока, — как и наша картошка! — не свои, а чужие. И завезены, в общем-то, не так давно.

Деревца папайи — дынного дерева. Дыньки висят на маковке, под пучком тенистых листьев, как под зонтиком. До чего же вкусные эти дыньки: оранжевую мякоть едят ложкой, как крем. Пузатые баобабы; гигантские бутылки-толстобрюшки с пучком корявых веток, воткнутых в горлышко. Потеха: малыши баобабы такие же важные и пузатые, как их папы и мамы. Этакое мучные мешки! Или кадки с домашними растениями.

Решетчатые домики деревень оштукатурены красной глиной. Крыши из старой, серебристой соломы. Или цинковые, шиферные; это они так блестят, если смотреть с высоты.

Где-то здесь проходила тропа, по которой караван Стенли двигался в миссию Багамойа. Не из-за того ли поворота в 1887 году вышел караван в 700 человек? Всадники в пробковых шлемах, солдаты с копьями, усталые носильщики с вьюками на головах. Стенли тогда записал: «27 ноября мы пришли в Нгеренгере». Вот оно — Нгеренгере. Домики. Заболоченное озеро. Речка. Тут, наверное, мало что изменилось за эти 89 лет...

На обочине — негритянки с огромными корзинами или вязанками хвороста на голове. За спиной в такт шагам

качается голова сонного ребятенка. Бритый, поджарый, тонконогий масай в огненно-красном плаще, с копьем, с кольцами, оттянувшими уши. Под баобабом компания масайских подростков. Стройные, гибкие тела, мягкие девичьи лица. Красные с синим плащи и накидки. Бисерные алые с белым нагрудники. Серьги размером с чайное блюдце. Тугие браслеты выше локтей. Словно не настоящие, словно нарочно вырядились.

Стройные эти мальчишки с лицами девушек до сих пор отваживаются с одним копьем выходить на льва. Так масайские подростки — мораны — утверждают себя, входят в мир взрослых.

В мире грохочут машины, спутники роятся вокруг Земли, человек уже шагнул по Луне, а масаи с копьем в руке и плащом на плечах, как века назад, пасут свой тощий скот, живут в хижинах, слепленных из навоза, пьют молоко с кровью. Удивительное и загадочное племя Африки. «Цивилизация» добирается и до них, она заставит их надеть штаны и повесить на шею транзистор. Масаи уже выходят на большие дороги и позируют туристам. Остается надеяться, что настоящая цивилизация придет к ним другими путями.

По сторонам нетронутые леса. Не очень густые, не очень высокие. Совсем не похожие на влажно-тропические, какие видели у Энтеббе.

Где-то в глубине леса жгут уголь: на обочину выставлены большие мешки с углем. Иные деревья, словно яблоками, увешаны круглыми гнездами ткачиков. А на иных, словно груши, вниз головой собаки висят. А может, лисицы. Конечно, не просто собаки или лисицы, а летучие, вроде огромных летучих мышей. Летучие мыши ведь тоже не мыши, так и эти летучие собаки совсем не собаки. Мыши — грызуны, а летучие мыши — насекомоядные. Им еж и крот роднее, чем мышь. Так и летучие собаки, точнее крыланы, не плотоядные, а плодоядные: высасывают сок из плодов. Ночью высасывают, днем спят на ветках — вниз головой.

По зеленой опушке леса рыжеют конусы высоких термитников. Крепкие, как надолбы из бетона; это вам не наши рыхлые муравейники. Так ведь и термиты не муравьи. Жизнь термитов проходит скрытно и незаметно за каменными стенами их башни-крепости. Башню термиты строят много лет. Строят из «цемента» — смесь глины и переваренной древесины. Прочный дом: обухом не пробить, и если даже дерево на него упадет — не разрушит. Прочный и удобный.

В дождь сухо, в сушь — влажно, в холод — тепло. Даже вентиляция есть!

Засинели впереди лесные горы. Вершины срезаны дождевыми серыми облаками. Холодные капли падают на лицо. То вдруг потемнеет все вокруг, словно нахмурится, то просияет, как улыбнется. Лазоревые прожекторы солнца пронизывают дымные облака, высвечивая на земле сияющие овалы, в которых мокро блестят листья пальм и бананов.

До чего мало птиц! Ну, гриф, ласточка, стайка щурок. Двести километров — и почти никого. Конечно, дорога не лес, но все равно. Вот и еще откровение: птиц на африканских дорогах меньше еще, чем на наших.

Зато сразу слон! На обочине. На столбике: треугольный дорожный указатель с силуэтом слона. Дескать, смотрите в оба, не сбейте слона! Или чтобы слон не сбил вас?..

Смотрю в оба, хотя как-то не верится: уж больно немудрый жидкий лесок по сторонам. Мирная травка, порхают белянки-бабочки с рыжими солнышками на крыльях. И слоны?..

Слоны! Впереди, у дороги. Стадо в восемь голов. Гуськом перешли асфальт, сгрудились у обочины; переступают, раскачиваются, смотрят. Уши расставлены, как паруса. Нервно обмахиваются хоботами. Маятниками колышутся хвосты. Косятся через плечо, поворачиваясь всем неуклюжим телом. Этакie глиняные дома без окон. Но изнутри «дома», словно в дверную замочную скважину, подсматривает за тобой любопытный живой глаз.

Дома пошагали. Опять гуськом. На спинах, как на коньках крыш, белые птичьи кляксы. На боках — от уха и до хвоста — светлые борозды. Похоже, сквозь заросли прорылись и поцарапались! Ишь ты, поцарапанные слоны!..

Вот наконец то, что я искал! Ради чего рвался из города. Дикie слоны и дикий лес. Лес миомбо!..

Да, миомбо. То самое. Так называют тут светлые леса на зеленых холмах. Заочные знатоки Африки! Вы знаете всё об африканских пустынях, африканских саваннах, африканских тропических джунглях. Послушайте о миомбо — о редколесье на зеленых холмах. Об африканском редколесье на зеленых холмах Африки.

Гряды залесенных холмов разделены широкими впадинами-

нижинами. Почва низин вязкая, волокнистая, сырая; тут зарождаются медленные заболоченные ручейки. Берега ручьев — илистая тяжелая хлюпь. В сухое лето земля высыхает и трескается; тогда глубокие канавы и овраги расчлениают низины. В мокрую зиму земля совсем раскисает, и низины становятся непроходимыми.

Но это я позже узнаю, а пока только смотрю. Среди незнакомых кустов и деревьев встречаются и знакомые. Брюхатые баобабы-мбуйу. Оплывшие их бока исчерчены слоновьими бивнями. Баобабы и сами на слонов похожи: слоновья толщина и слоновья серая кожа. Но называют их почему-то обезьяньими деревьями. Будто бы обезьяны любят их плоды. Плоды на баобабах висят как елочные игрушки — на тонких нитках. Я пробовал разбить упавший плод каблук — куда там! Наверное, обезьяны едят несозревшие. Из созревших жители выдалбливают стаканы и чашки. Стаканы и чашки растут на дереве...

Пальмы-мкуми. Тонкое длинное веретено с пучком зеленых листьев на маковке. Раскидистые зонтичные акации — «жирафьи зонтики». Тамаринды на рыжих пятнах развалившихся термитников. Темные молочаи — что-то вроде огромных закустившихся кактусов. Деревья как букеты желтых цветов. А то деревья-колонны; ствол голый желтый, словно из слоновьей кости. И еще — что вижу впервые и не умею назвать. Лес миомбо. Невиданный мною лес. Который еще надо открыть для себя.

Живу в «Микуми» — гостинице для туристов. От шоссе к ней ответвляется тоненькая дорожка. От леса гостиница отгорожена тоненькой провололочкой. И висит этот людской приют среди дебрей на тоненьком волоске дорожки и на паутинке ограничительной проволоки. И не поймешь, кто тут за кем наблюдает: люди ли из окошек за жирафами и слонами или слоны и жирафы из леса за людьми.

Современный человек жаждет удобств. Он забыл о прелестях трудных радостей, о радостях, венчающих преодоление.

В номере ванна, кондиционер. На кондиционере геккон прилепился. Одна стена целиком стеклянная, с видом на долину и озерко. Из воды чья-то спина торчит — или кочка? Бетонные выступы прикрывают окно от солнца. На левом змея прилепилась; зеленая, тонкая, длинная. Древесная зеленая мамба. Красиво ползет по шершавой стене. Поднялась, огляделась и медленно утянулась за выступ.

Я сейчас же превратил комнату в засидку. Стену стеклянную задернул шторой, высунул в щель фоторужье. В жизни не сидел в такой роскошной ухоронке! В одних плавках, в мягком кресле, под прохладным кондиционером. Ветер тебя не пронизывает, дождь не

полощет. Комары не жрут насмерть, и зубы от холода не бренчат. И ждешь не какую-нибудь там сойку или сороку.

Из озера под окнами торчат высохшие деревья. На них задумчивые марабу. А в озере-то не кочка, а спина бегемота! Круги расплываются...

Под акацией «жирафий зонтик» — и в самом деле жираф стоит! Вроде ажурного подъемного крана. Длинная шея на четырех ногах. Обмахивается хвостом, словно метелкой пыль с боков сметает. Вот пошагал — медленно, как во сне. Ходячая пожарная вышка. Птичья головка вроде флюгера на башне. У воды расставил передние ноги-ходули, свесил пятнистый шланг шеи, воду сосет. Снова поднял голову, осматривается с высоты: с припухлых замшевых губ стекают длинные блестящие капли.

Три слона идут к озерку. Какими же они кажутся маленькими с моей «скалы», не крупнее кабана. А ведь громады: ростом в четыре метра, весом в шесть тонн! Только теперь я понимаю, как велики деревья, которые окружают их.

Блестят бивни. Уши растопырены, как два одеяла, повешенные на просушку. Знатоки все подсчитали. Каждое ухо в сорок килограммов. Из одного уха можно сделать стол на шесть человек. И, к сожалению, делают. Из ушей столы, из ног — корзины для мусора, из бивней — безделушки...

Слоны все время колышут ушами. Слоны-ушехлопы. Но не мух они отгоняют и не обмахиваются ветерком. Уши для слона все равно что змеевик для парового котла. Или радиатор для автомобиля: спасают тело от перегрева. Уши пронизаны густой сетью артерий; обмахиваясь, слон остужает кровь. Если холодно — он и ухом не поведет. А в жару уши колышутся, как паруса на ветру. Будь кожа на ушах понежней, слоны бы в жару покраснели ушами. Представляете: слон с розовыми ушами! Как игрушечный!

Слоны толстокожие. Но только в самом прямом смысле. А так они очень сообразительные и живые. Любят играть, например. Вот и сейчас затевают возню: двое, несомненно сговорившись, спихивают третьего в воду. Уперлись лбами в него и жмут, как два бульдозера. Третий, конечно же, упирается: кому приятно, если силком! Не толкали бы, он, может, и сам бы в воду пошел. А теперь выставляет бивни, отмахивается хоботом. Но все равно пьются; против двух не устоишь. Пятился, пятился и сорвался. В последний миг успел схватить хоботом хобот обидчика и, как рукой за руку, стащил его с берега за собой. Теперь оба в воде, а все равно толкаются. Но уж больно вода хороша; блаженно повалились в разные стороны и окунулись. Волны захлупали в травяной берег. Уфф, благодать! Один слон с головой окунулся, выставив наружу кончик хобота. Другой на боку лежит, изогнув хобот крючком. Хобот для них все равно что дыхательная трубка для ныряльщика.

Третий слон, глядя на них, сам ссунулся с бережка. Поливает бока и спину из хобота-шланга.

Долго слоны ворочались и окунались. Рыжие облака мути клубились по сторонам. Недовольный бегемот уплыл на другую сторону

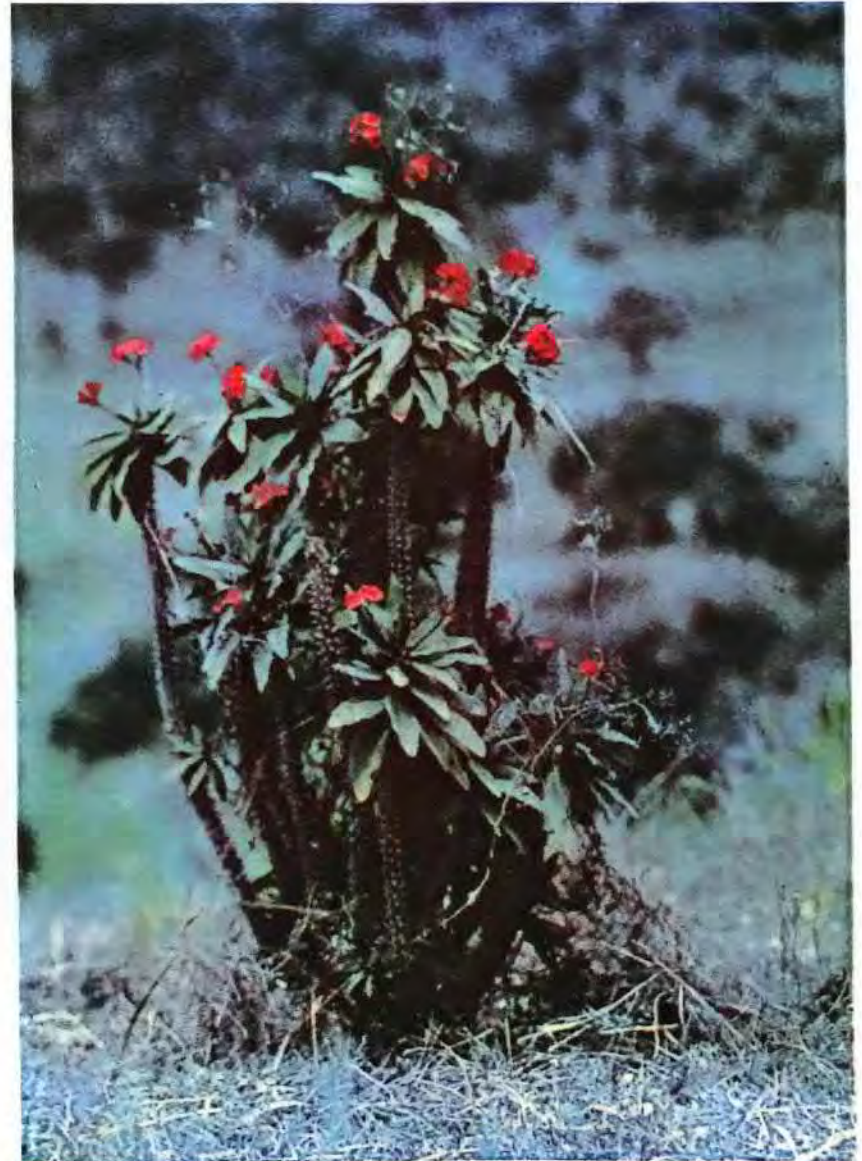
озерка, повернулся к слонам задом и сердито уткнулся носом в берег, даже смотреть не хочет.

Первые двое опять сговорились. Торопясь, оскользаясь и падая на колени, два толстяка быстренько выбрались на бережок. Когда за ними увязался и третий — слоны стали спихивать его назад в воду. Только тот вскинет на берег ноги-тумбы, упрутся лбами — раз! — и спихнут. Так вся троица и шлепает вдоль озера: двое по берегу, третий — в воде. Один хочет выбраться, двое его не пускают. Бодают лбами, отпихивают хоботом. Слоновьи шуточки и забавы.

Между забавами срывают пучки травы и суют в рот. Ушами обмахиваются: снова жарко. Опять в воду надо.

Удобная у меня засидка, но разве это охота: сидя в кресле, через окно? Вот когда сам выступишь, сам поставишь укрытие, да с ночи в него спрячешься, да побудешь с ночью наедине, наслушаешься лесных голосов! Засесть бы с утра вон у того термитника! К нему звери давно пригляделись, он не вызовет подозрения.

Так не терпелось побродить по африканскому лесу, посидеть в засидках, постоять, послушать незнакомые голоса. Но оказалось, бродить-то по лесу и нельзя! Хозяева в лесу не люди, а звери. Звери живут на свободе, а людей возят к ним в клетках-лендроверах. И выходить из лендровера строго запрещено. В окошко можно смотреть, можно, встав на сиденье машины, высунуться по пояс в люк; есть два таких люка в крыше. Но нельзя выходить из машины, нельзя по лесу ходить. Нельзя и устроить засидку у термитника.

— Неужели наступит слон? — выпытывал я.

— Не обязательно, — объясняли. — Слон может, например, на засидку сесть...

Страшнее слонов тут... крапива. Выше головы, толщиной в удочку; даже слоны обходят ее. И вездесущие лесные шипы и колючки! Я долго пытался отломить ветку с пустым птичьим гнездом; исколол ладони и пальцы — но так и не открыл. А вот когда сорвал цветок кактуса, невидимая стеклянная щетина, как живая, расплзлась по рукам и впилась в кожу. Чем больше я ее смахивал, тем сильнее она впивалась. Только к вечеру кончился этот ползучий зуд.

Из шипов можно делать гвозди! Заколки, булавки, крючки рыболовные, иголки для патефона. А из веток — колючие заграждения.

Ветки в руки не взять, сапогом наступить страшно, а их... едят! Слон сует в рот целые мотки этой колючей проволоки. Жирафы мягкими — нежными и припухлыми! — губами срывают ветки, утыканные гвоздями! Обламывают длинным и нежным розовым языком!

Много тут неожиданностей для новичка. «Не пейте сырую воду, берегитесь малярийных комаров, мошек, вызывающих зуд, жальщих ос, ядовитых пауков и скорпионов, бродячих муравьев. Будьте осторожны с огнем, сухая трава вспыхивает как порох». Правда, с голоду не умрете: «Ящерицы, змеи, гусеницы, саранча, кузнечики вполне пригодны для еды».

Предостережения убедительные. Не станем лезть в чужой лес со своими замашками. Миомбо — не роща осиновая, не привычный бор или ельник. А слоны и жирафы не зайцы и не косули.

Пока охочусь за нарушителями нашей провололочной границы. Сам я границу не нарушаю: нельзя так нельзя. Хотя и не очень-то верю рассказу, что кто-то вот не послушался, вышел за проволоку, и его проткнул бивнями слон. Пугают, наверное. Перестраховываются. Впрочем, зачем бы нарочно пугать, если было бы безопасно?..

Зато дикие наши соседи проволоочки не боятся и инструкций не читают. Чаще всех нарушают границу птицы и бабочки. И я очень рад: таких птиц и бабочек я вижу впервые.

Бабочки с крохотный лепесток незабудки и с широкий кленовый лист. Тусклые, как кусочек коры, и переливчатые, как фольга. Белые с рыжими и фиолетовыми солнышками на крыльях. Шоколадные с бархатно-черным тельцем, усыпанным белым горошком. Золотые с черной чеканкой. Черные с зеленой перевязью. Переливчатые синезеленые. Бабочки с экзотических почтовых марок. Принято бабочек называть летающими цветами, а эти — летающие почтовые марки...

Конечно же, мне очень хотелось снять самую большую и самую яркую бабочку. Но большие бабочки осторожнее птиц! Что птиц: к буйволу или слону подойти легче. Только и видишь, как взблеснут

крылья на солнце. Но одну снял, с нашу траурницу. И то потому только, что ночь случилась холодной — каких-нибудь градусов двадцать! И бабочка страшно замерзла. Утром дремала, раскрыв крылышки солнцу, и я сумел подойти.

Впервые вижу и воробьев африканских. Хотя и африканские, а одежка тусклая, как у наших. Зато темно-синие дронго с повадкой сорокопута сидят на ветках задумчиво и солидно, похвываясь бархатистыми перьями. И вдруг кидаются сверху в траву, распахнув крылышки, — что-то хватают. А в африканских ласточках я запутался. По виду — как наши касатки. А вот бока и брюшко — оранжевые! А у черных стрижей над хвостом вдруг белое пятнышко.

Зато марабу уж ни с кем не спутаешь. Вид мудреца, облысевшего от раздумий. Или озабоченного чиновника, спешащего на доклад с тяжелым портфелем под мышкой. Сутулый и мрачный. Унылый большой нос. Голая шея в морщинах.

Марабу каждое утро прилетают к отелю. Парят они так же солидно и важно, как и вышагивают по земле.

Спокойствие и важность несокрушимые! Когда начинаю подходить к ним с фоторужьем — марабу отступают. Шагаю я, шагают

они — с оглядкой через плечо. Я встал — и марабу встали. Я назад — и марабу назад.

На вершине акации целая стая марабу, ссутулились и нахохлились. Все, как один, спиной к солнцу. Дремлют. А всё видят. Когда из кухни выносят ведро — марабу радостно всплескивают огромными крыльями. И голые мешки на их шеях надуваются, как детские резиновые шарики. И краснеют.

А потом они деловито копаются в грязных консервных банках. Позор! Глаза б не глядели. Даже фоторужье на таких не поднимается.

Иногда на помойку, таясь и осторожничая, приходит из зарослей молодой слон. Даже по ушам видно, как стыдно ему! Приходит, когда никого нет. Тихо стучит банками. Конфузится и унижается. Раб своего брюха. Слон и... помойка! Ну собака, ну кошка, а то — слон!

В последние годы появилась особая каста птиц и зверей «гостиничных». Это если их вежливо называть. А по правде — помоечных. Слоны, марабу, гиены. Даже львы! Особенно обидно за львов и слонов: остальные и раньше грешили. Такие «гостиничные» быстро превращаются в «туристских»: совсем перестают бояться людей, постоянно

околачиваются у построек. И туристы к ним привыкают. И вот уже вместо взаимного уважения — взаимное панибратство. Похлопывание по плечу. Не беда, пока слона похлопывает турист. Пусть даже почтовую марку на него наклеит: и такое случалось. Но вот хлопнет слон туриста — и сразу беда. Тогда слона — уже как опасного! — убивают. А проще было бы не приучать. Пусть на помойках возятся коршуны и шакалы. Этим не привыкать.

Нынешний слон-помоечник пока стыдливый и кроткий. Но и он уже ночью заходит тайком в калитку, бродит по газонам, трамбуя траву. В окна заглядывает. Привыкает.

Днем прибегают из леса озорные мартышки. Нахальные черные мордочки, щеки в щетине, лоб наморщен, глаза блестят. Увидев людей, удирают, как мальчишки из огорода. На бегу верещат, огрызаются, строят рожи. Вскидываются столбиком из травы: гонятся или отстали?

Семь часов всего, а уже ночь. Африканская ночь. Как бы хотелось послушать ее, притулясь в зарослях где-нибудь на берегу озера! А приходится в кресле, у лазоревого бассейна для купания. За охранной проволокой. Отсюда не услышишь громовых раскатов льва-симбы или знаменитой «ржавой пилы» режущего леопарда.

Теплынь и темень. Лесные холмы миомбо чуть проступают на темном небе. Глухо рокошет гроза. Сполохи далеких зарниц вдруг высвечивают гребни холмов; небо словно моргает.

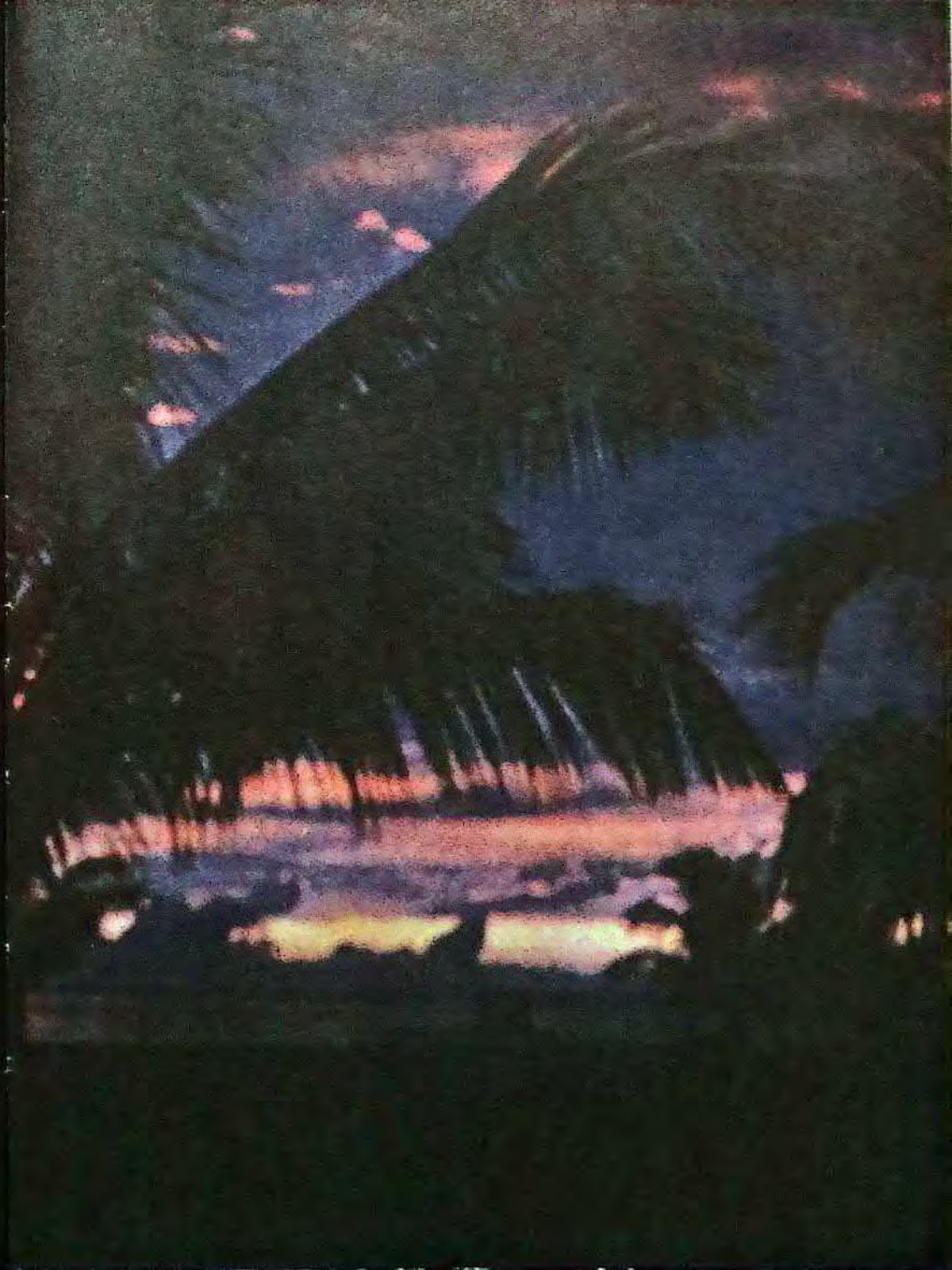
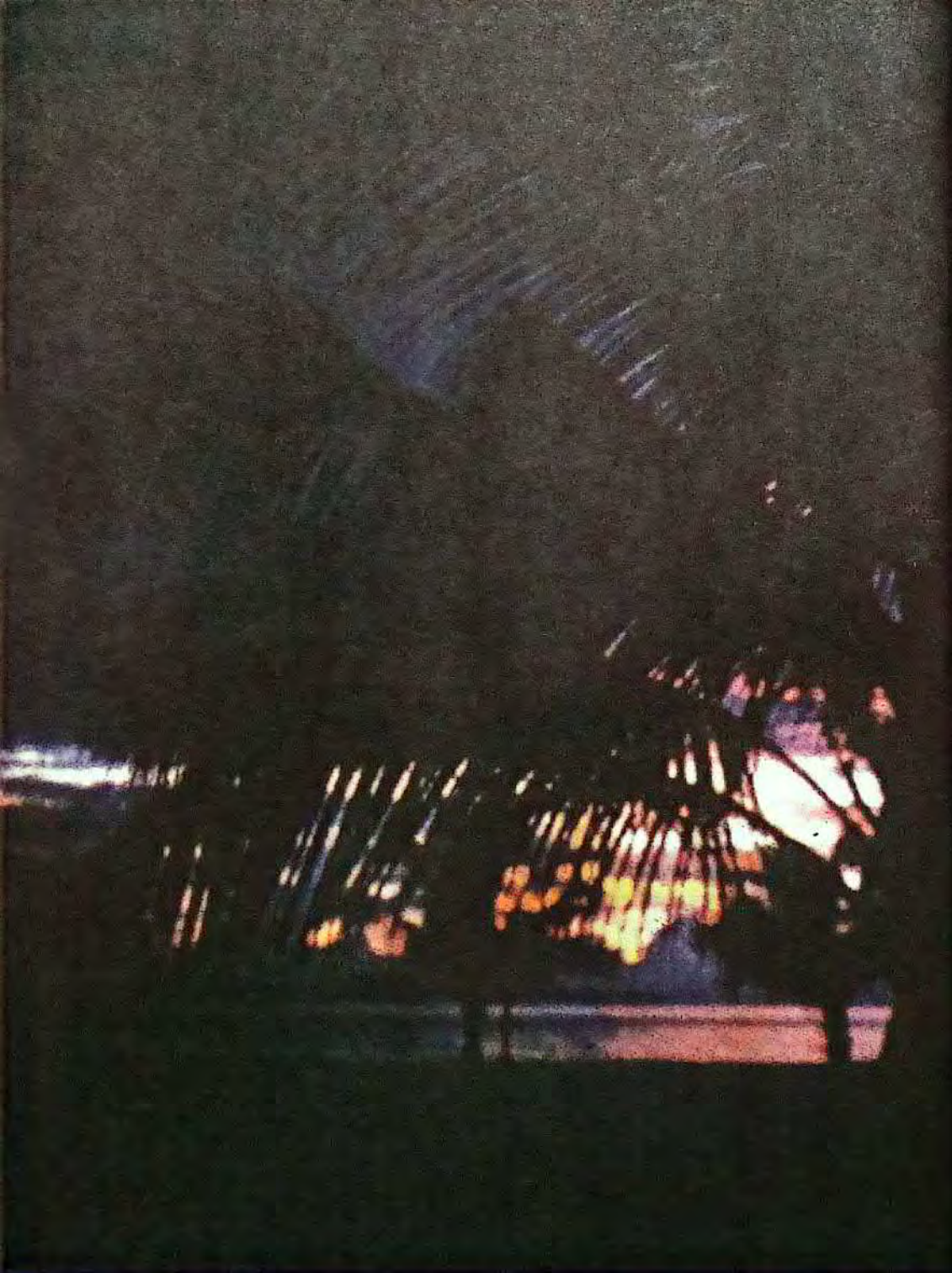
А ночь гудит на разные голоса! И незнаком тебе ни один звук, все слышишь впервые.

Удивительное ощущение: слышать и видеть впервые! Вот так же в детстве мы жадно вслушиваемся в нашу ночь: мир еще не открыт нами. Потом приходит знание и словно подкручивает фитиль яркого сказочного огонька. Наступает пора раскрытия тайн. Стоны в лесу? Да это просто сова-неясыть кричит. Лесной моторчик заработал? Нет, просто козодой заурчал. Летучая «песенка в небе» — это ночная птичка юла поет. Сказок для взрослых не остается.

И вот снова сказка! Звон непонятных приглушенных колокольчиков. Раскатистое резкое кряканье: «Оррр! Оррр!» Стрекотание, цыканье, улюлюканье. Бульканье, точение и пиликанье. Глухи утробные взревы. И резкое, как металл: «Джжи-и! Джжи-и-и!» Слово ударят по широкой пиле и сразу согнут плотно: «Джи-и-и!» То дальше, то ближе. Летаящая пила...

Месяц на небе — как спелый банан. Тени мелькают над головой — проносятся вымпеловые козодои. На крыльях полощутся длинные перья — вымпелы. На зимовку летят, с юга на север...

А в темной низине, в лесу не то вздохи, не то мычание. Или кто-то бормочет, набрав в пасть воды?

Звучат голоса леса, земли и воздуха. Сверху, снизу, со всех сторон. Торжественный гул жизни: неумолчные колокольчики, стрекотание и пиликанье. Лягушачье кряканье и выкрики птиц. Гул миомбо...

Отель «Микуми» назван по имени заповедника. А заповедник — по имени пальмы — мкуми. Хотя этих пальм в заповеднике и немного.

Живут в заповеднике 1200 слонов, 2500 буйволов, 5000 антилоп, 500 зебр и 23 льва. Жильцы эти не постоянные: в сухой сезон собираются к водопоям, в сезон дождей разбредаются по лесам.

Живет в Микуми и вся «большая пятерка»: слон, жираф, бегемот, буйвол и лев. Часто в «большой пятерке» бегемота меняют на носорога, а льва на леопарда; пятерка все равно остается большой.

В звериный рай нам, грешным, вход разрешен только в клетке-автомобиле.

Каждое утро приходит побитый и разболтанный лендровер. Разболтали его тяжелые лесные дороги, а побили обитатели рая: бодали буйволы, носороги пинали, лягали жирафы. У жителей рая характер совсем не райский.

Тарахтим по красной дороге среди зеленого редколесья. Торчу из люка по пояс, с «ружьем» наперевес. Сверху хорошо видно, удоб-

но снимать, уперев локти в крышу автомобиля. Это уже охота, охота в лесу, а не на задворках отеля.

Через дорогу, мягко ступая, шагает слон. Как легко этот верзила идет! На обочине, в тени дерева, машет ушами целая слоновья компания. Шепчу: «Стоп, стоп!» — лендровер тормозит, и я открываю «стрельбу». Слоны в видоискателе четки, как в капле росы. Кожа морщинистая, словно кора дуба. Глаза в поросячьих ресницах, уши в царапинах, нашлапки грязи на бивнях.

Слоны на меня не обращают внимания. Что, если вылезти и подойти?

А вот что. «Пешком тут ходить небезопасно. Четырнадцать дней назад моего знакомого, который вздумал пройтись по окрестностям, догнала слониха и пропорола насквозь бивнем. Но чтобы кто-нибудь погиб, сидя в машине, этого я не слышал, даже в тех случаях, когда на машину нападал носорог или слон. Инцидент обычно кончался несколькими вмятинами или пробоинами в кузове». Это слова большого знатока Африки доктора Гржимека; ему верить можно. «Нарушив запрет, оператор вылез из машины и стал снимать пасущихся слонов. Неожиданно один из них повернулся и погнался за незадачливым фотографом. Он вытащил его хоботом из кустов, куда тот

спрятался, и трижды подбросил в воздух. К счастью, оператор отделался только раной на ноге и переломом щиколотки».

«Незадачливым фотографом» мне совсем не хочется стать. Итак, от дома не отходи, из машины не выходи! Звери на свободе, человек — в клетке!

И все-таки как-то трудно поверить, что добродушные эти глыбы вдруг нападут на тебя ни с того ни с сего. Мы привыкли к слонам в зоопарках, в цирке. Нам трудно представить их в ярости. Да и тут они мирно стоят, обмахиваются ушами. Или шагают, срывая на ходу пучки травы и суя ее в морщинистый стариковский рот. Но будь ты хоть Лука-доверчивый или Фома-неверный, проводник-шофер все равно из машины не выпустит: его за такое прогонят с работы.

Нас, правда, выпустил. Упросили. Но только раз. И об этом потом.

Выдрав пучок травы с корнем, слон околачивает землю о бивень или о колено, а уж потом сует траву в рот. Поэтому бивни грязные. И оттого еще грязные, что бивнями, как лопатой, слоны выкапывают клубни и корни. Если грязней левый бивень — то слон «левша», а правый — «правша». А вот в зоопарках у слонов бивни чистые: в клетках им бивнями делать нечего. Слоны-белоручки.

Самыми опасными — как ни странно! — становятся мудрые стар-

цы. Годом к пятидесяти у слонов начисто стачиваются зубы. И «зуб мудрости», видимо, тоже. Есть хочется, а жевать нечем. Кора, корни и ветки стали не по зубам. Кончилась беспечная зубатая молодость, когда сучья и ветки только похрустывали во рту! В молодые годы слоны даже в зоопарках с удовольствием едят метлы, табуретки и деревянные лестницы. А как старикам быть?

Протез не вставишь, на манную кашу не перейдешь. Характер портится: вскипает раздражительность и озлобленность на весь белый свет. Солидному слону, как разгильдяю-мальчишке, приходится ночью в чужой огород лезть, мягкие овощи воровать. А там крикливый хозяин с палкой набрасывается. Ну и попадет иной под горячий хобот или торопливую ногу. . .

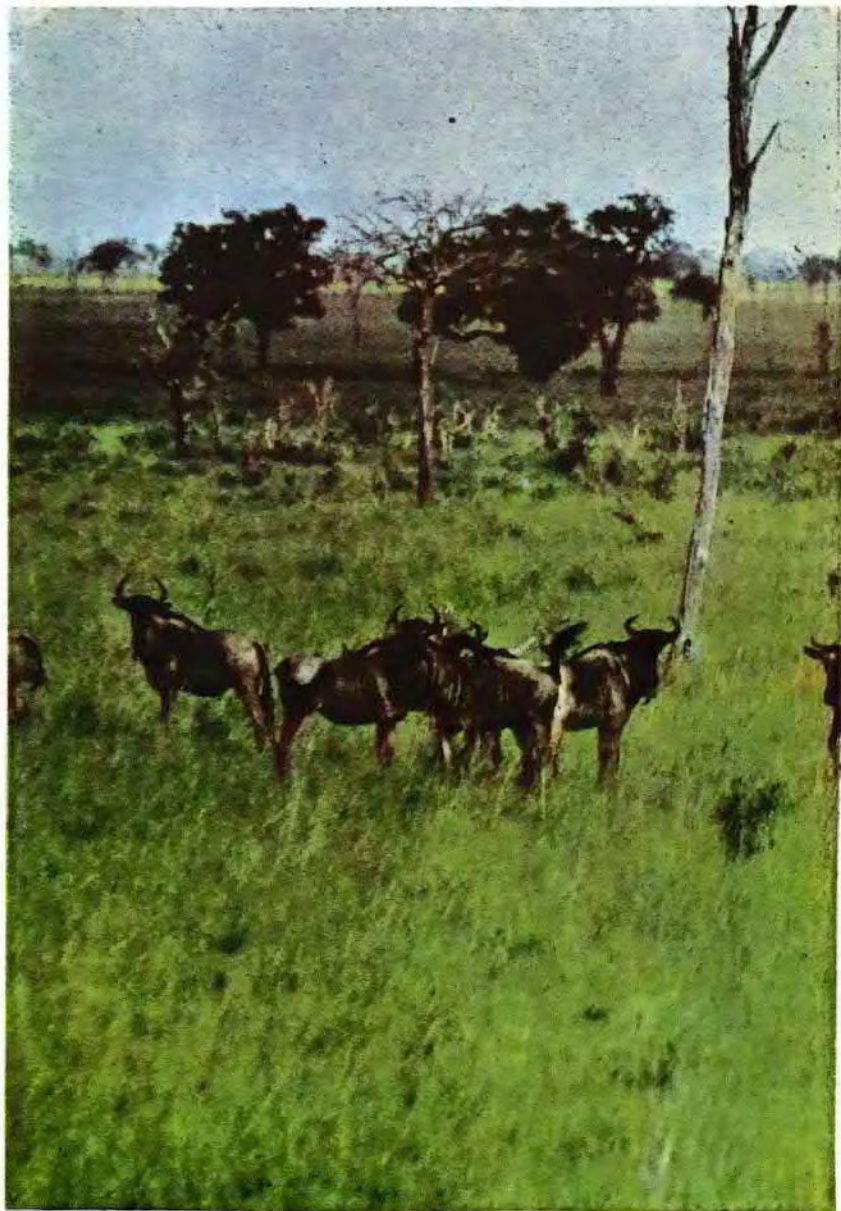
Тарахтит лендровер, ветер обдувает лицо. Много надо поколесить по дорогам и без дорог, чтобы хоть что-то понять в этом незнакомом лесу.

Тенистое дерево на светлой пустоши, а под ним четыре слона. На дереве над слонами прилепился молодой бабуин. Свесился, строит обезьяньи рожи. Слоны презрительно отворачиваются. Но самый молодой не выдержал: развернулся «с ловкостью молодого слона» и, задрав хобот, чуть не поймал бабуина за хвост. Но ловкости слона — пусть и молодого! — очень далеко до ловкости бабуина, даже самого старого. Бабуин легко взлетел вверх, а слон сделал вид, что и не хотел связываться с такой рожей.

На обочине главной дороги стоят указатели: «Осторожно, слоны».

Еще бы не осторожно! У самой дороги стоит всем слонам слон! До него мы видели бурых, обсыпанных пылью. А этот серый, даже с голубизной. Громила. Морщинистая кожа, на боках тяжелые складки. Брюхо чуть не до земли. Дирижабль. Не дай бог уткнуться в такого ночью! В гармошку сплющит машину. Когда бегут такие слоны, земля, наверное, содрогается и пыль завивается вихрем. Словно груженный состав идет. . .

САВАННА

Въезд в заповедник.

Арка из сухих стволов, огромное тенистое дерево. Под ним дом из дикого камня, с соломенной крышей. Дежурные в форменных куртках с погончиками и в синих беретах выписывают пропуск. Шофер пришлепывает пропуск на стекло лендровера. Пинает, проверяя, колеса: дорога впереди трудная.

Осматриваемся. На каменной стене дома большие черные рога буйвола. Под молочаем на земле белый череп слона. Все просто и мило: дикий камень, дикое дерево. Ни «добро пожаловать», ни «строго воспрещается». Шлагбаум поднят — поехали!

Саванна — африканская степь. Но не голая, есть кусты и деревья: кусты — зарослями, деревья — рощами. Кусты из породы «непропусти-куст», деревья — «держи-дерево». Зубастые заросли.

Акации торчат, как зонтики, воткнутые в землю. Так и называются — зонтичные акации. Весь год прячется саванна под зонтиками акаций; летом — от солнца, зимой — от дождей. Да разве спрячешься от африканского солнца и от африканского ливня!

Потому летом саванна желтая и сухая. А зимой мокрая и зеленая. Сейчас осень. По нашим меркам все должно вокруг желтеть, а тут зеленеет. Осенняя зеленеющая саванна. Тянется свежая трава, цветы зацветают, зеленеют деревья. Радуются зеленой осени обитатели зеленой саванны.

Только я высунулся в люк лендровера, как лицо и руки осыпали мухи.словно ветер швырнул в лицо пригоршню мух и они прилипли. Не жалят, не ползают: осыпали и сидят — как приклеились! Осень, а мы в «веснушках»!

Но нам уже не до мух: у тропы буйвол стоит. словно паровоз с рельсов сошел и застрял. Черный котел, вымазанный мазутом.

Про буйволов мы слышали. Самые знаменитые африканские охотники их побаивались. Не всякая пуля пробивает твердый буйволов лоб. Буйвол хитер, он устраивает засады у своих же следов. У него тонкий нюх, зоркий глаз и чуткое ухо. Нападающий буйвол не остановится, пока не будет убит. Или пока сам не убьет.

С должным почтением подъезжаем мы к этому сошедшему с рельсов паровозу: не добавил бы вмятин на борта лендровера. Пятьдесят, тридцать, двадцать метров... А «паровоз»-то спит! Стоя. Глаза зажмурены, на губе слюни сосульками. Вся морда в мухах. Бока в комьях грязи. На рогах пучки травы с корнями.

Старый одинокий бык. Уставший от стада, от телят, от жизни. Все суета сует — глаза б ни на что не глядели.

Трогаю за плечо шофера: «Ближе...»

Проехали в десяти метрах у морды: бык и ухом не повел, и глаз не открыл!

Так встречают дикие звери машину. Даже самые сильные и опасные. Не потому ли современные «герои-охотники» охотятся на африканских зверей из машин? Подъезжают, выскакивают накоротке — по закону так положено! — и палят. А чуть что — снова в машину, как трусливая шавка в подворотню. Потом дома — в Америке или Европе — похваляются добытыми бивнями и рогами. Вспоминают, как «пуля шлепнула в брюхо»...

Чтобы стать рекордсменом в спорте, надо иметь много достоинств: силу, быстроту, смелость. Их за деньги не купишь. Но вот чтобы стать рекордсменом в охоте, достаточно одних денег. За деньги тебе дадут ружье, посадят в лендровер, подвезут к слону или буйволу. Встанут по сторонам для страховки, добьют, если сам не сумел. Даже сфотографируют у добычи, вырубят бивни или рога. Можешь прослыть героем, не умея толком стрелять!

Дешевая слава, хоть и дорого стоит. Сомнительное удовольствие. Не потому ли так потускнела теперь слава африканских охотников? Канули в прошлое времена, когда на охотников оборачивались с восхищением. Теперь, как сказал один из них, «при встрече даже собаки хвостами не машут». И в Африке поняли: чем больше охотников — тем меньше зверей.

Трудно понять охотников, с удовольствием палящих в живые мишени. Впрочем, у них свой резон, особый взгляд на животных и красоту. Для них не бывает просто прекрасного зверя, а только прекрасный трофей. Слон — это пара прекрасных бивней, антилопа — пара прекрасных рогов, лев — прекрасная шкура. У хищных зверей, добывающих хлеб свой насущный, в охоте хозяйский подход: они забивают на мясо худших, оставляя лучших на племя. Охотники же гонятся за рекордными трофеями, убивают самых больших, сильных, здоровых, красивых. Хищники улучшают породу, охотники ухудшают. Все реже встречаются теперь зрелые здоровые звери, все больше хилых, тонкорогих и жидкогровых. Даже глупый заяц из двух зол — волк или охотник? — выберет волка. И как хорошо, что тут, в заповеднике, никому не разрешают стрелять.

Парит перед дождем. Даль саванны размыта туманом. Зонты акаций словно повисли над ней. Вот он, звериный рай. Из люка лендровера вижу сразу четыре стада: бородатых гну, черных буйволов, зебр полосатых и пятнистых жирафов. Еще и семья бородавочников трусит гуськом: мама и пять поросят. Хвосты у них «на караул» — торчат вверх, как акварельные кисточки! Жираф наклонил над дорогой шею-шлагбаум. На обочине зебры в пыли катаются, взбрыкивая копытами.

Такой увидели Африку первые путешественники. Пораженные обилием жизни, они произнесли слово «кишат». Озера кишели бегемотами, реки кишели крокодилами, заросли кишели слонами и жирафами, саванны кишели антилопами, львами и страусами. Лик первозданной земли. Звериный рай. Рай, который охотники везде уже превратили в ад для зверей. И только заповедники сохранили еще островки первозданной природы.

Дух захватывает и глаза разбегаются! «Стреляю» в измазанных зебр, а рядом вижу большущих птиц, шагающих по траве. Носатые, черные, неторопливые. Что-то в них от нашего ворона, только ворон-то с индюка! На шее красные натеки и выросты. Это рогатые вороны, из породы птиц-носорогов. Правда, у них не рог на носу, а так, роговой выступ. Зато сам клювище что твой козлиный рог!

Вороны бродят по луговинам, где пасутся зебры, жирафы и буйволы. Роются в навозе, собирают жуков-навозников. Фотографироваться стесняются: нехотя отходят, покачивая клювастой головой, сердито поглядывая через плечо. Ленд-

ровер подползает поближе, но носороги взлетают, упруго и широко качая крыльями — так, что прогибаются перья.

Африканских зверей мы знаем даже лучше, чем наших. Слонов, зебр, бегемотов, страусов еще из кубиков складывали. А вот заставьте нас — даже взрослых! — сложить из кубиков серну или горала, кабаргу или харзу. Запутаемся хуже маленьких. Каждый ли отличит лесную куницу от соболя, хорька от норки, горностая от ласки? А ведь они самые «ходовые»; пушнина, мягкое золото. Где уж там отличить филина лесного от филина рыбного, куропатку серую от бородатой, лебедя-кликуну от лебедя-шипуна! Зато все знают страуса, марабу, птицу-секретаря и венценосного журавля. Вот как нам в детстве увлекательно рассказывали о них книги. Но никакой рассказ — пусть самый увлекательный! — не заменит живой встречи! Встречи на воле. Все мы видели клеточных африканских зверей: тень клетки лежала на них. Не по своей воле их там соединяли и рассказывали. Не ту давали «жилплощадь». И зверь становился сам не свой. И сам на себя был не похож.

А тут каждый сам по себе. Сходятся и расходятся как хотят; прутья клетки не сдерживают их желания, силы и быстроты. Для чего

в клетке чуткий нос, зоркий глаз, быстрые ноги? А на воле без них не прожить. Вольный зверь живет каждой клеточкой тела. Вольный зверь переполнен жизнью. Дикий зверь прекрасен от ушей до хвоста. Весь, а не только его рога или бивни...

Зебры пасутся вместе с жирафами и понимают друг друга с полувзгляда. Или с полнюха? Насторожатся зебры — и жирафы сейчас же поднимут головы. Насторожатся жирафы — и зебры наставят уши. Жирафы в общем стаде вроде наблюдательных вышек; глаза так посажены, что все вокруг видят. И головой не надо вертеть. Разве что самую малость.

Когда движется в зарослях стадо зебр и жирафов, сосчитать невозможно ни тех, ни других. Бока, шеи, головы, ноги — все перемешивается и рассыпается на полоски и пятна, как дробное отражение в воде.

До чего ж хороши зебры! Крепко сбитые, словно туго накачаннные; так и распирает их от избытка жизненных сил. Задирают друг друга, брыкаются, катаются по земле, только копыта в пыли мелькают. И до того выкатываются, что и полос не видно. Но ветер, как заботливый конюх, быстро очистит

шкуру до блеска. И снова лошадки блестят, одна краше другой.

С дробным топотом хлынет стадо зебр от дороги и в глазах зарябит! И вдруг замрут, напружинятся, как курки взведенные. Уши и грива торчком. Броские и заметные, словно полосатые столбики на крутом повороте шоссе. Вот снова хлынули с топотом и — расплылись в неясное облачко пыли. Так шпалы сливаются в ленту, так спицы колеса сливаются в круг.

Опустив к земле лошадиные морды и по-коровьи взбрыкивая ногами, запылило в степь стадо антилоп-гну. До чего несуразный зверь! Создала природа лошадь, быка, антилопу, а на гну у нее выдумки не хватило и пришлось повториться. И вот зверь с мордой коня, рогами быка, телом антилопы. Козлиная борода и лошадиный хвост! Сказочный конек-горбунок.

Гну полны осторожности и любопытства. Набывчив тугую шею и вскидывая костистым задом, гну при встрече уносится в степь. Но скоро один или два, прикрываясь кустами, возвращаются, высовывая из ветвей бородатые головы. Или начи-

нают носиться взад и вперед, взбивая копытами пыль, круто наклоняясь на поворотах. Словно приглашают к игре в догонялки. Или они так пугают?

Пасутся гну с зебрами, с жирафами и с антилопами импала. И тоже понимают друг друга.

Стада зверей сходятся, расходятся, перемешиваются. На них можно смотреть без конца. Только тут понимаешь, ради чего люди готовы на далекие путешествия, лишь бы увидеть нетронутую природу. Льва нужно смотреть в саванне, а тигра в джунглях. Только такая встреча — пусть самая мимолетная! — останется на всю жизнь.

На воле многое открывается. Тут понимаешь, почему звери такие. Почему жираф похож на колокольню. А у бородавочника стерты коленки. Для чего птице-носорогу клювище-рог. Почему бегемот на ногах-коротышках. Больше ста лет назад уже догадывались: «Пленному гиппопотаму недостает ландшафтов Африки, дико оригинальных, как и само животное».

Лендровер мягко подруливает к болотистому озерку. Тучи закрыли солнце, по дальним холмам волочатся космы дождей. Саванна насупилась; холодные дождинки бьют по щекам. Вода в озерке зябко сморщилась, съежилась в холодную рябь.

Черные топкие берега исцавканы копытами буйволов. Торчат пучки зеленой болотной травы. Огромными угольными мешками влипли в жижу грязные буйволы. Лежат: жуют и дремлют. А рядом тоненькие, немислимой белизны цапельки — ангелы-хранители буйволов-замарах. Вот цапельки вытянулись по стойке смирно — и буйволы сразу перестали жевать!

А у берега в озерке всплыла кочка. Так, ком торфа. Целуюсь в него фоторужьем. В видоискателе два выпученных жабьих глаза — уставились на меня! Кочка с глазами!

Самого бегемота не видно, сверху только глаза, уши да ноздри. А он все видит, все слышит и чувствует. Легко и удобно ему в воде: бегемот в невесомости! Не надо держать на ногах-коротышках тушу в три тонны.

Вот не круги уже расплываются, а волны в берег плещут: из воды поднимается спина — как всплывающая цистерна! На спину садится цапелька, обыскивает бегемота сверху. А бока и брюхо под водой чистят рыбы. Бегемот с няньками.

Крокодилы не трогают бегемотов: очень уж они толстокожие! А бегемоты крокодилов терпеть не могут. И ухитряются перекусить пополам; клыки у бегемотов по три килограмма! Их особенно хорошо видно, когда бегемоты зевают: этакie зубатые зевающие экскаваторы.

Бегемоты поворочались, попыхтели и окунулись. Не очень-то приятно, когда на тебя глазекот. Дикie не любят лезть на глаза, они сами любят следить.

Зашевелились и буйволы. Один с чмоканьем выдрался из липкой жижи, встал и тупо решает: уйти или снова лечь? С боков и ляжек жижа течет, отваливаются комья грязи. Чибисы кланяются у буйволиных ног. Цапелька вытянула белую шею и хватает с морды слепней.

Встали соседние буйволы, зачавкали по грязи от озерка. Остановились, глядят. Черные глыбы в зеленой траве.

В такой вот момент «спортсмен-охотник», там, где еще разрешают стрелять, не спеша вылезает из лендровера и берет в руки ружье.

Гремит выстрел, пуля шлепает в тушу, как в сырую глину. Буйвол валится в грязь. «Спортсмен» брезгливо ставит ногу на грязную буйволовую ляжку. Щелкают фотоаппараты. Бесстрашный победитель вдруг отдергивает ногу: по шкуре клещи ползут...

От моей «стрельбы» буйволам нет вреда. Они спокойно стоят, подергивая ушами.

Таким и запомнился мне этот уголок дикой саванны. Сморщенная ветром вода озера. Морды бегемотов — как плывущие кочки. Черные туши буйволов в сочно-зеленой траве. Дымная даль и кружевные зонты акаций, нарисованных на белом тумане.

И еще сухая коряга и на ней — две странные птицы — аисты-разини. Клювы у них не закрываются плотно, всегда чуть разинуты — потому и разини. Больше всего клювы похожи на длинные щипцы для колки орехов. Это и в самом деле щипцы, только раскалывают ими не орехи, а раковины улиток. Кажутся разини совсем черными, но это потому, что спряталось солнце. На солнце же они отливают синюю и зеленью. Вообще-то разини совсем не разини, своего не пропустят. Зорко всматриваются в траву их зеленые ящеричные глаза, наготове клювы-щипцы.

В другой раз над саванной сияло солнце. Табуны легких импала, как стайки рыжих кузнечиков, перескакивали дорогу. У них сухие маленькие головки и большущие плюшевые уши.

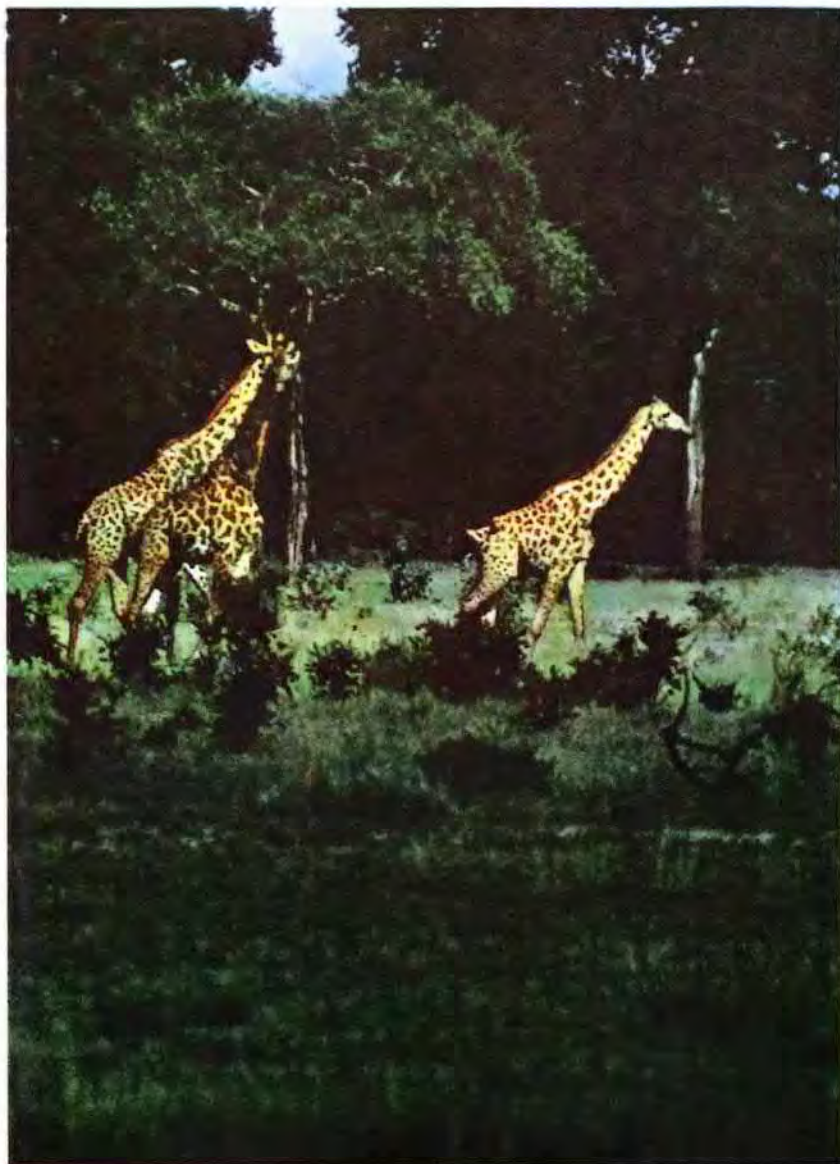
Ушки на макушке. И стройные длинные шеи. А ножки в золотистых чулочках с черными пятками. Пяточки на бегу мелькают, как взлетающие из-под копыт камешки. Красивейшие антилопы Африки.

Упрыгав в сторонку, табун останавливается, замирает и смотрит; россыпь черных сияющих глаз. Антилопы напружинены, как тетива. Комочки неистовой ликующей жизни. Вот-вот копытца вышибут фонтанчики пыли и ветер запоеет в лирах рогов!

Табунки импала-коз охраняют козлы. Рога-лиры только у них. Это в их рогах на бегу ветер поет. За прекрасные рога они расплачиваются головой; там, где еще разрешают охотиться.

Козел-импала не поладил с козой. Помчался за ней, фыркающая и нацелив рога. А потом стоял на поляне и топал копытом. Скандаль в козлином семействе почему-то очень взволновал гну. Расстроенный и всклоченный, он дико носился вокруг, топоча, пыля, фыркающая и тряся бородой.

А погода коза вернулась в свое стадо; туда же побрел и сердитый козел. Гну успокоился, а мы поехали дальше.

Зачастили жирафы. Вдруг возникали в лесу на обочине, как привидения, сложенные из бликов солнца и теней листьев. Высотой с двухэтажный дом, а сразу не разглядишь. Как загадочная картинка: «разгадал» голову — начинай «разгадывать» ноги и тело. Все переплелось с тенями, бликами, листьями. Жирафа выпутываешь глазами из зарослей, как рыбу из сетки-путанки! Сколько я «выпутал» уже потом, на снимках: снимал одного, а находил двух или трех!

Они стоят у тропы, как поднятые шлагбаумы! И как перед шлагбаумом, приходится тормозить. Тропу жирафы не переходят, а как бы замедленно перелетают. Удивительная походка — какое-то текучее и плавучее колыхание. Так вязкая струйка дыма изгибается в луче солнца. Так колышутся длинные водоросли под водой.

Протрусил, уткнув в землю нос, чепрачный шакал: полулиса, полуволок. Рыжий, с темным седлом на спине. Чепрачный, золотой, оседланный, черноспинный: вот сколько у него названий! Приметный зверь!

Семят бородавочки. Приплюснутую морду свою

несут осторожно, словно поднос с бокалами; расплескать боятся. «Бокалы» — четыре граненых клыка из-под губ. Вся морда в буграх и шишках: два бугра под глазами, два у носа. На глазах разбойничья челка, на щеках косматые бакенбарды. Вид отчаянный и забубенный.

Живет бородавочник в земле. Земляной кабан: в норе спит, в норе поросят выводит, в нору прячется. На бегу короткие ножки мелькают, как спицы у самоката. У норы непременно развернется и втиснется в нору задом. Сам собой нору заткнет. А навстречу выставит из норы шишковатую морду с клыками-кинжалами. Не у каждого леопарда на такого лапа поднимется...

В стороне под акациями снова слоны. Сгорбленные туши, как груды темных валунов. Один переходит тропу, косясь и качая головой. Идет легко и бесшумно, словно ноги у него резиновые. Вежливо уступает дорогу. И кажется, все понимает: уж очень осмысленный глаз смотрит на тебя сквозь «замочную скважину»!

Широкий просвет в лесу, рыжая истоптанная глина. А посредине — мутное озерко. Звериный водопой. Потому и остаемся, что очень уж истоптанный водопой. Но пока ни звериной души вокруг. Уламываем шофера:

— Выпусти, друг...

Шофер открывает дверцу и выпускает на волю: вблизи ни зверей, ни начальства, можно и поступиться инструкцией. Успокаиваем его: ежели что, мы, подобно охотникам-шавкам, шустро запрыгнем в лендровер.

Шагаю к воде, глина пластилином проминается под сапогом. Берег весь истыкан копытами. Коровьи следы жирафов, только раза в два больше. Робкие сердечки копыт импала. Вмятины кривых копыт гну. Круглые тычки с трещиной посредине — грубые копыта буйволов. Лошадиные некованные копыта зебр. Вмятины, похожие на венчики болотных цветов — следы тяжелого бегемота. Слоновые следы, словно тут бочонки переставляли. Не думайте, что слоновий след просто увидеть; только на пыли да на глине его разглядишь. На твердой земле следа не остается, словно слон по воздуху пролетел. Неожиданно аккуратные копытца неуклюжего кабана-бородавочника. Кошачий мягкий след льва. Есть и собачьи следы: шакалов, гиены. Лесные следы Африки... Ох уж этот мне клетка-лендровер! Все бы отдал сейчас, только бы побродить по лесу или посидеть, затаясь, у водопоя! Хоть бы день побыть с лесом с глазу на глаз. Возьмите расписку; могу же я распорядиться своей жизнью!

Я-то могу, а вот проводник не хочет рисковать своим местом. Он уже призывно машет рукой. Шагаю назад по звериным следам. Дверца клетки захлопывается.

Лазоревый бассейн у дома через день чистят скребком, трут порошком, сачком вылавливают травинки. А моя знакомая лягуха из бассейна ухитряется уцелеть. Купаясь, я встречаю ее нос к носу. Я хитро подмигиваю, она наивно смотрит большим золотым глазом. Нет, это не она крикает по ночам хрипло, как сойка. Крикают на деревьях... цикады! Сегодня видел одну — большая, в ладонь. Сделана из скрипучего зеленого целлофана. Какая-то вся пустая, того и гляди промнется, как елочная игрушка. На горбу тонкий высокий гребень. И все время поскрипывает, словно катышек целлофана в пальцах. Полетела — загудела. Большая, как птица!

Дождь, прохладно, и бегемот сегодня вылез из озера посреди бела дня. Бродит, водя мордой-тыквой по зеленой муравке. Морда вся в красных пятнах, вспотел, хоть и не жарко. Пот у бегемотов красный, похожий на кровь.

Нагулялся до «кровавого» пота и побрел по набитой тропе к озеру. Все озеро это в бахроме троп; как черные щупальца, вытянулись они в стороны. Бегемот их протоптал и ходит теперь только по ним, поэтому трава на берегу не затоптана намертво, и бегемоту всегда есть где пастись. Упаси бог столкнуться с ним на его узкой

дорожке! Собьет и проутюжит... со страха! Бегемот напоминает корову, которая пасется на длинной веревке. Только вместо веревки «привязан» бегемот к озеру своей же тропой. Чуть опасность — бегемот кидается на свою тропу и мчит по ней, как мышь по мышиной дорожке. Мышиная дорожка приводит к норе, а бегемотья — к воде.

Вот побрел «домой», не спеша, все так же уткнув морду-тыкву в траву, словно к цветочкам принюхивается. Заходит в воду все глубже и глубже. Вот скрылся. По дну шагает. А поверху по воде тянется за ним водяной усик.

Вечер прохладный и серый. А лес все равно крикает, улюлюкает, звенит и стрекочет. Холмы расплываются в сырой темноте. И только теперь, в прохладе, чувствуешь, как горят лицо и руки, исхлестанные за день солнцем и ветром. Но внутри уже рождается нетерпение: скорей бы минула ночь, скорей бы новое утро. А утром — в миомбо.

В шесть тридцать утра приумолк лесной ночной хор. Зачирикал утренний воробей. В семь — совсем светло! — потянули из леса к дому марабу. Ночуют они на засохших деревьях у озера.

Утро тихое, серое. По-деревенски щебечут ласточки, по-домашнему воркует голубок-горлянка. За ночь грибы выросли на клумбе, какие-то серо-оливковые поганки.

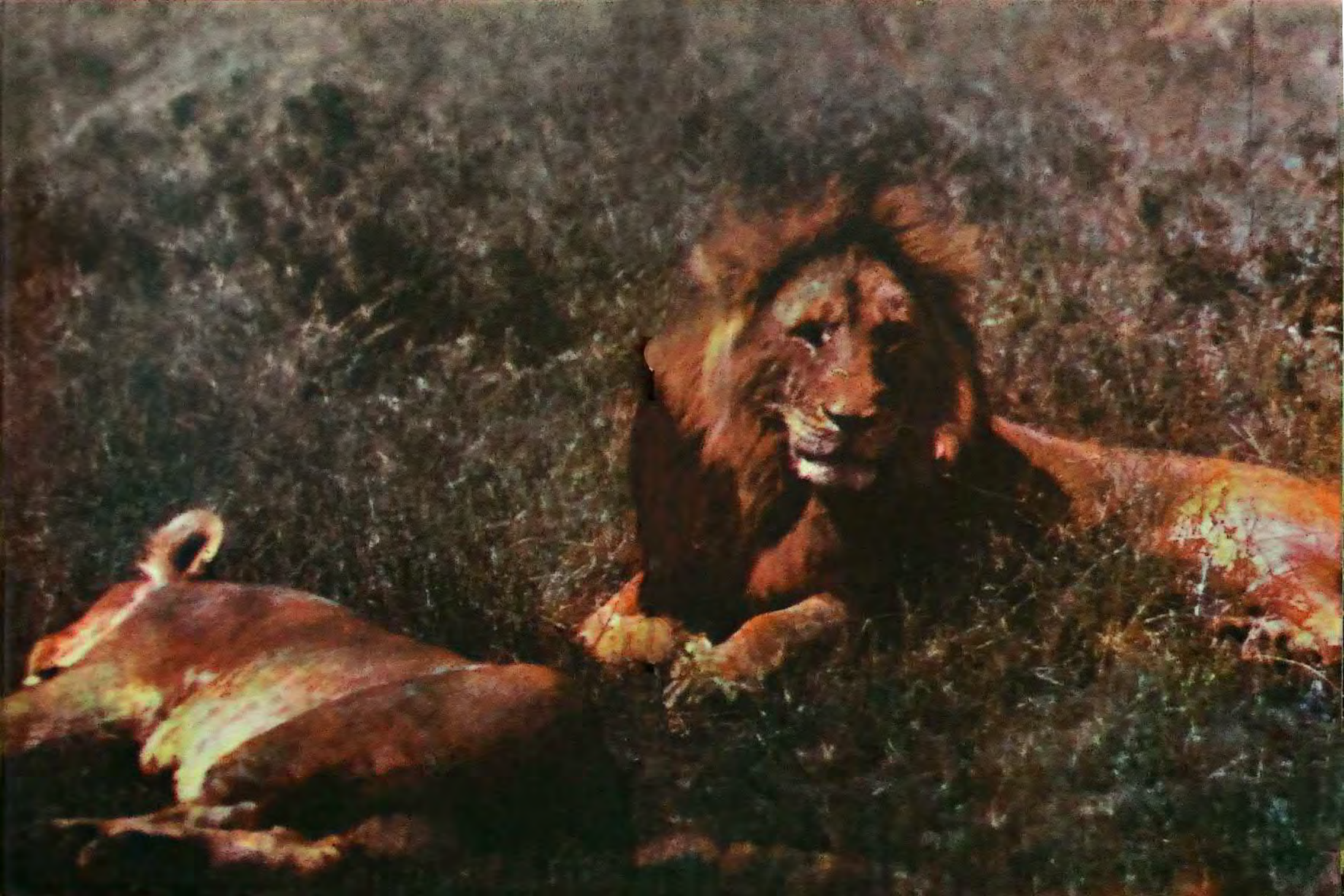
Нам везет: сезон дождей задерживается на месяц. Дожди хоть и полощут, но чаще всего по ночам; днем же солнце и ветер.

Привычное уже тарыхтение лендровера по жесткой дороге, снова придорожные слоны по сторонам. Но сегодня сворачиваем не в саванну, а к лесным холмам, в лес миомбо. Лендровер осторожно, словно щупая путь колесами, пробирается по лесной дороге. Дождевые ручьи размыли старые колеи, дорога запущенная и неезженная. И оттого особо заманчивая.

Едем не спеша, с оглядкой. По сторонам лес и поляны. Поляны доверху налиты солнцем. Белеют на них сухие скелеты упавших деревьев. А за полянами тяжелый темно-зеленый занавес леса. Рядом ослепительное сияние полей и непроглядная лесная тень. В просветах темных лесных вершин синеют далекие волны холмов.

На поляне холмик заброшенного термитника. Наверху — словно из бронзы отлитый! — замер рогатый импала. И вокруг холма козлы — стадо холостяков. У них игра: кто займет пьедестал? Бронзовый импала сталкивает любителей покрасоваться, сам хочет. Пока едем мимо, ни одному из козлов не удастся удержаться на пьедестале. Лихо постукивают рога, мелькают черно-белые хвостики. Холостяки забавляются.

Почему-то людям представляется, что жизнь беззащитных

животных в лесу что-то вроде ночного кошмара: тебя ловят, хватают, а ты никак не можешь убежать и спастись. Мы забываем, что на одного хищника приходится с полтысячи таких вот беззащитных козлов. Даже по арифметике они сталкиваются с опасностью не чаще раза в году. К тому же, такого «беззащитного» в открытую не догонит ни один хищник. Другое дело, если козел ослаб, заболел. Или уши беспечно развесил. Так по неосторожности и мы с вами под машину угодить можем. Но мы же не унываем, хоть машин в сотни раз больше, чем львов. Вот и антилопы не унывают: играют и веселятся. Хотя львы где-то рядом. И может, даже следят за ними из-за кустов...

На соседней поляне семья бабуинов. Бабуинам явно не по себе: бредут по поляне, как по минному полю, то и дело останавливаются и осматриваются. Высматривают дерево, к которому можно броситься. Удаляясь от леса, они его все время как бы ощущают спиной: чуть что — и назад! На спасительную высоту. Наверное, тут леопард живет, приучил обезьян по струнке ходить!

Странно мало в лесу птиц. Ни песен, ни криков не слышно. Может, сейчас не певчий сезон и птицы помалкивают? Или прячутся от жары?

Суматошно хлопая крыльями, взлетают с дороги горлинки. Изредка с обочин взмывают лазоревые сизоворонки ♀, распахнув крылья-ладошки, садятся на сухие сучки. Они чуть меньше наших, но куда ярче и переливчатей — солнечный лазоревый взблеск! С вершины на вершину, как-то странно трепыхаясь и дергаясь, летит птица с длинным хвостом и толстым кривым носом: вот-вот нос перевесит и потянет вниз. Это птица-носорог, ростом с нашу сороку.

А вот не то поползень, не то зимородок, только уж больно пестрый: клюв-клин красный, голова и грудь серые, крылья бурые с лазоревым мазком, бока с желтизной, спинка коричневая.

Чаще других, особенно у жилья, видишь буровато-пестрых вьюрков ростом с дрозда. Они покладисты и доверчивы, старательно собирают что-то с земли. Их гнезда-шары втиснуты в колючие ветви деревьев. Гнездо-шар тут самое ходовое: от пинг-понгового мячика до футбольного. И спрятаны они в такие колючки, что страх берет: как только сами хозяева в живых остаются!

А где же «бесчисленные» африканские попугаи? Не видел ни одного...

Мало в лесу птиц. Зато много зверей.

Испытанная лесная уловка: остановись сам, если хочешь узнать, куда другие идут. Но нет у нас и этой возможности: сами движемся напоказ. Хорошо еще, что звери нас за людей не считают: мы для них просто Нечто, нарушающее тишину.

На поляне табун зебр среди упавших серых стволов. Стоят неподвижно, и мы ясно видим каждую. Но вот зебры столпились, задвигались и... расплылись в туманное облачко! Словно ты видел четкое отражение в воде, а дунул ветер, заструилась рябь, и все расплылось, перемешалось.

Удивительна окраска этих лошадок. Жеребец на обочине — полосатей столба пограничного. Зебра в тельняшке от ног до ушей. Лесная чудо-лошадка. До того напряжена, что вот-вот взлетит или взорвется!

Все полосатые, а ни одной одинаковой, у каждой свой личный узор! Как отпечатки пальцев. Природа одинаковости не любит. И если внимательно присмотреться, то не найдешь и двух одинаковых воровьев.

Для фотографа зебра единственный в мире зверь, который на негативе и позитиве совсем одинаковый: белый в черную полоску! Или черный в белую? Старый спор: какого цвета зебра? Я сравнивал негатив с отпечатком: ни то ни се! Передняя половина зебры раз на раз, белого и черного поровну. А вот задняя — скорее черная в белую. Пожалуй. Вроде бы. Может быть...

Вид у зебр игривый и добродушный. Симпатичные игрушечные лошадки. Эдакие толстушки: миловидные, резвые, озорные. Уши торчком, грива пучком, хвост венчиком. Гоняя слепней, так бьют ногой по животу, что живот, как барабан, гудит! Но эти толстушки строптивы, драчливы, брыкасты. Еще и кусаются. А что делать: среди львов живут! Говорят, что зебры потому полосатые, чтобы львов обмануть. Львы будто бы принимают издали полосатых зебр за... обглоданные скелеты!

Вот они, львы... Две гривастые головы под тенистым деревом, как два рыжих муравейника.

Лендровер остороженько, пригнувшись, сползает с дороги. Катим по целине. Львы лежат, смотрят. Широкие плюшевые носы, треугольники светлых «бровей». Впалые небритые щеки. Тяжелые отвисшие челюсти. И всклокоченные прически до плеч.

Один не выдержал, вскочил, побежал, тяжело колыхая набитым брюхом. Другой только выше поднял рыжую голову. Хвост с черной кистью согнулся крючком и шлепнул о землю.

Ближе нельзя. Лендровер старый, ему не взять рывком с места. Или забуксуют колеса. А львы здесь совсем не такие покладистые, как в других заповедниках. Так проводник говорит. Нам же, конечно, хочется ближе. Чтоб во весь кадр.

Как нападает лев? Сейчас это совсем просто представить. Вот перестанет бить землю хвостом, привстанет на толстых полусогнутых лапах, нацелится глазами, осядет назад и рванется, вышибая лапами пухлую пыль. Наверное, заревет. Когда лев ревет, трава стелется, как от ветра, и пыль клубится у лап.

Лев перестал бить хвостом, привстал, нацелился и... побежал от нас к лесу! Теперь оба стоят на опушке и смотрят на нас. Два рыжих товарища, два львиных холостяка. А может, они из львиной стаи — правда, что видели мы километрах в семи отсюда? В тени большого дерева лежали львицы и львята. Сонные, размоленные, равнодушные. Когда мы подъехали, они лениво открыли желтые глаза и тут же снова зажмурились. И отвернулись. Эдакие ленивые кошки.

Львята — словно плюшевые игрушки. Сразу видно, что все их тут очень любят и балуют. Львята переползают по львицам, тычутся носами в их губы, львицы не огрызаются. Всем им жарко и скучно.

Все дышат полураскрытыми пастьми. Подергивают ушами, жмурятся. Разморенные кошки на теплой завалинке; только что не мурлыкают.

От нас отворачивают носы: бензином тянет. А если и посмотрят в упор, то словно не видят! Смотрят сквозь тебя, как в окошко... Будто бы ты стеклянный. В упор не замечают!

Мы терпеливо объехали дерево, чтоб посмотреть львицам в глаза. А они снова носы отвернули! Как от надоедливой мухи.

Так тянутся львиные дни: в безделье и дреме. Жирафы и зебры проходят вблизи — никакого на них внимания. Словно зебры для львов не еда.

Как проходят львиные ночи — не видел. Ночью можно услышать только далекий рев. Тот самый, от которого трава стелется и клубится пыль. Львы охотятся. Не думаю, что и ночью жирафы и зебры, антилопы и гну так же беззаботны, как днем.

На обратном пути с холмов мы снова свернули к дереву рыжих холостяков. Оба лежали на старом месте! Есть у львов свои излюбленные деревья; чем-то они для них лучше других...

Снова один сразу же отбежал. А второй снова поднял голову и бил хвостом. И в этот раз даже бросился. Так, для остратки. При-

гнул голову, отвалил челюсть и, загребая лапами пыль, бежал к нам. Но тут же и осадил, запрокинувшись на задние лапы.

Обиделся: второй раз сгоняют с теплой лежанки! И кто: какая-то ржавая жестянка, пропахшая бензином!

Когда-то львы жили не только в Африке. В Закавказье, например, львы исчезли только в десятом веке: когда-то на них охотились у Тбилиси и Еревана. В Иране последний лев был убит в 1930 году. В Индии сейчас осталось всего с сотню львов в заповедном лесу Гир у Бомбея.

Исчезли североафриканские берберийские львы. Тартарен из Тараскона уже ни одного не смог отыскать. Нет больше и капских львов южной Африки. Этих и зоологам уже не найти. Самые гривастые были львы: пышная грива, густые подвесы на плечах, на локтях и на брюхе. Головой заплатили львы за свою прекрасную гриву...

Сейчас перед нами — масайские львы. Грива у них не черная и не густая. Пожалуй, даже невзрачнее, чем у клеточных львов: ведь не одна прядь волос из их гривы осталась на колючках кустов! Но не это спасает их: не будь заповедников, охотники перебили бы и жидкогривых. Не возвращаться же с охоты с пустыми руками...

Львам надоело ждать, пока мы уедем, и они разлеглись на

поляне. Хотя и жарко на солнце, а не хотят уходить от своего любимого дерева. Ждут, когда в нас совесть заговорит: два царя лежат на припеке, на ветру и в пыли...

Лендровер, подвывая, лезет на гору. Прелесть машина! Солнце — торчишь из люка, дождь — закрой люк и в окошко гляди. Засидка на колесах, скрадок повышенной проходимости. Вездеход-ухоронка!

Всех африканских птиц и зверей я «подстрелил», высунувшись из люка лендровера. Добыл даже больше, чем «стрелял»! «Стрелял» в одного, а на снимке потом находил двух! А то и трех, четырех! Снял зебр, а потом в кустах на снимке разглядел гну. Снимал одного жирафа, а на снимке два получалось; второй незаметно стоял в тени. Слона снял у дерева, а на дереве разглядел обезьяну. Еще зебру снял, а рядом в траве зеленую мартышку нашел. Просто щелкнул пейзаж, а после — в лупу! — разглядел на нем слонов под деревьями, жирафов у кустов, даже каких-то антилоп, которых ни разу в лесу не видел. В лесу не встречал, а на снимке — встретил!

Зверя не трудно увидеть в лесу: если сам он не хочет прятаться...

Выше холмы, все гуще лес. Деревья подступают к дороге, за-

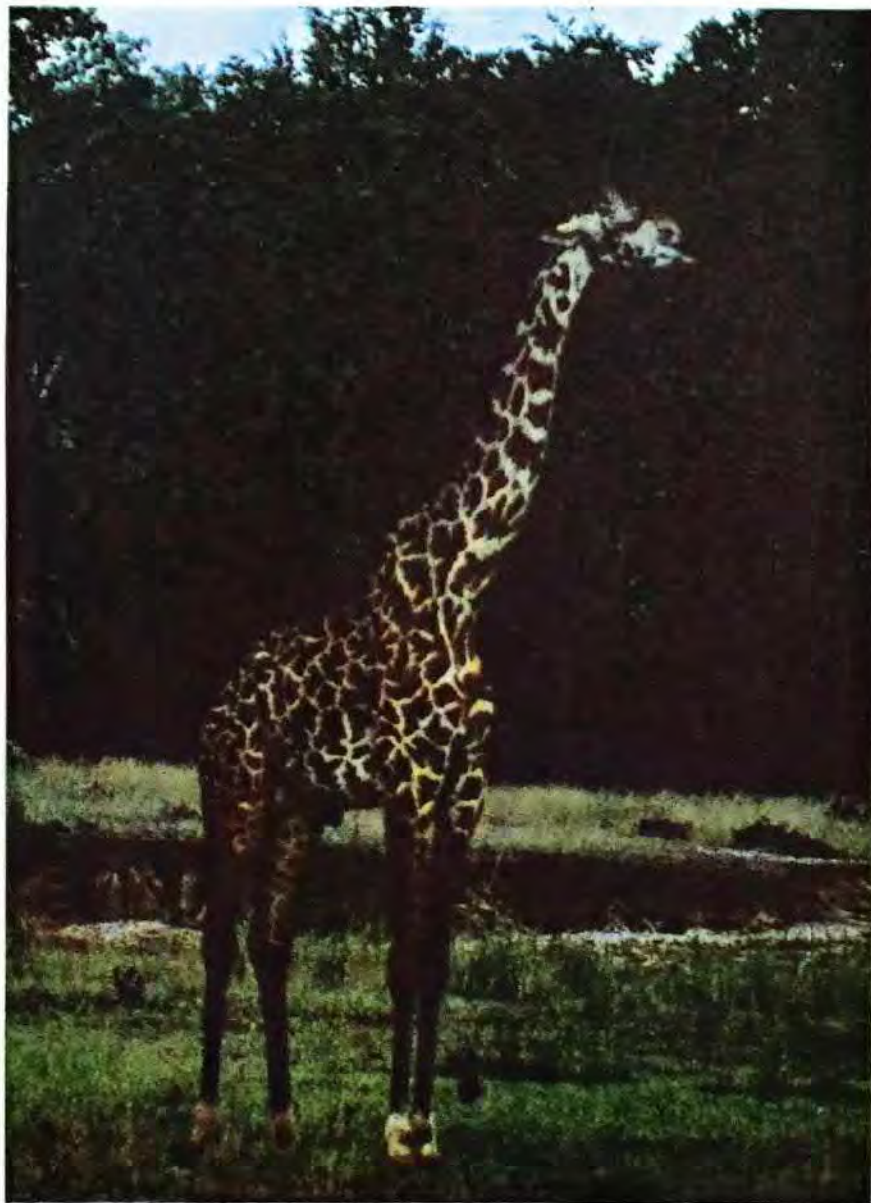
ставляя ее вилять. Тут царство жирафов и зебр. Они возникают на повороте тропы и тут же исчезают в зарослях. Листья затуманивают тела зверей; видишь животное и вдруг уже не видишь его. В глазах дробящаяся пестрота. Сухостоины вдруг оживают и оборачиваются жирафами. А в сучьях серых валежин видятся зебры.

Шея жирафа в листьях как сухой ствол дерева с нащепками старой коры. Еще и «дятлы» ползают по нему — красноклювые волоклюи. Чаще их сперва и увидишь, а уж потом и «ствол» разглядишь. Или вдруг заметишь на суку глазастого филина. А это голова затаившегося жирафа! Пятнистое «оперение», совиные большие глаза, ушки-рожки. Умеет жираф в лесу спрятаться, если захочет.

Пасется жираф не в траве, а в вершинах деревьев. Про такого не скажешь, что он на подножном корму! Высоко в ветвях «порхает» его сухая головка. Известны ему все тайны древесных вершин: где ветка с птичьим гнездом, где дупло с пчелами. Тут змея притаилась, там леопард залег. И все надо увидеть. Не потому ли у жирафа такие большие птичьи глаза? Два огромных глаза, притененных длинными изогнутыми ресницами.

Жираф молчалив, хоть язык и в полметра. Длинным языком, как

ловкой рукой, ощипывает он листья с ветвей. Три метра ноги, три метра шея да полметра язык — вот и дотянулся до самой вершины! Но никак не понять, как не измочалит жираф свой нежный язык о стальные колючки!

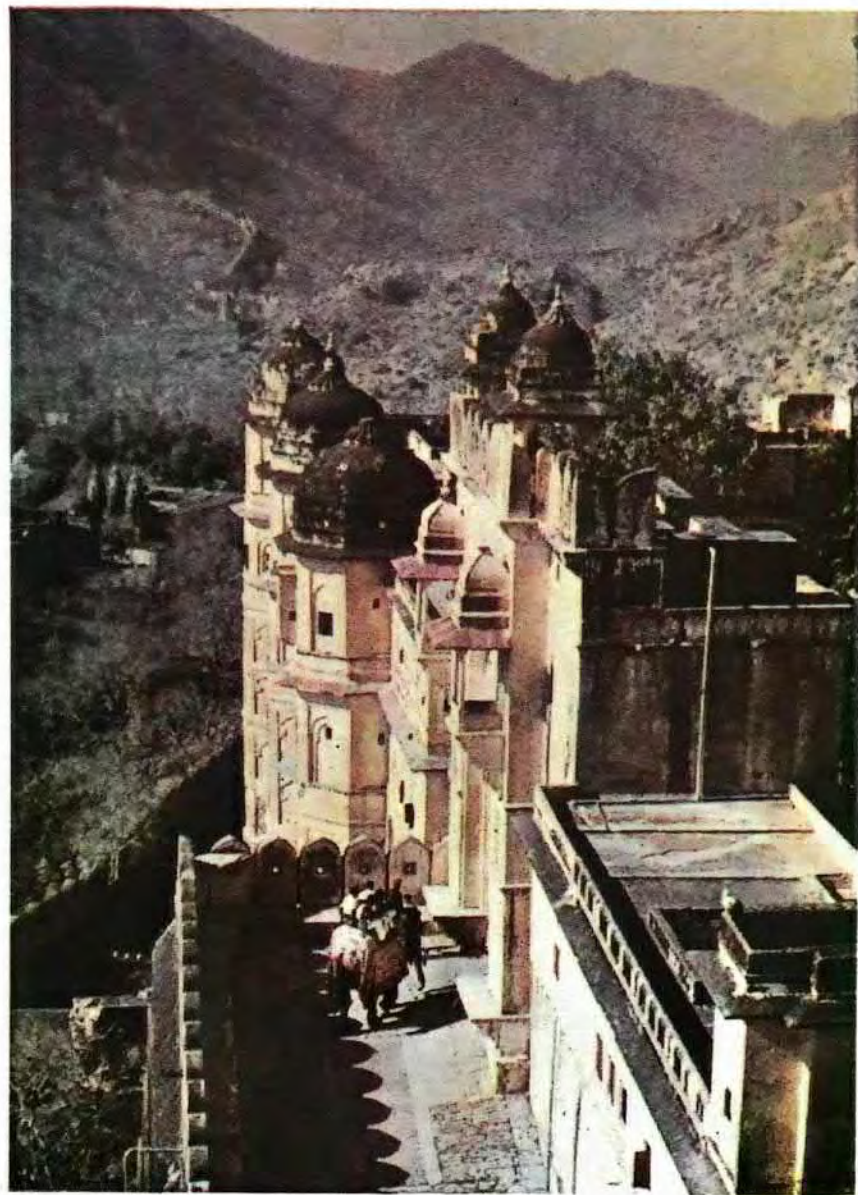
Очень любит жираф перейти дорогу у самого радиатора машины с высоко поднятой головой; тем самым проявить полное презрение к этой вонючей раскоряченной черепахе.

Но чаще, когда машина неожиданно, с рокотом, выползает из-за поворота дороги, жирафы, раскачиваясь, скрываются в лес. Как только головой о сучки не споткнутся! Ноги-то через любые валежины перелетят, а голова может в ветках застрять. Но ни один жираф не унизится и не станет на бегу головой вилить. Скачет по лесу, высоко задрав шею. И ухитряется не «споткнуться».

Честь жирафа — в высоко поднятой голове. Те, кто послабей и рангом пониже, не очень-то задирают нос. Знают свое место. Жираф ведь только с виду мечтателен и беззащитен. Сопернику он быстро «намылит шею». Шея у жирафа что доска дубовая. И бьет он этой «доской» наотмашь, да так, что соперник с ног летит и теряет сознание. А победитель смотрит на него с высоты грустно-грустно... Так что при встрече каждый жираф знает, кому голову задирать, а кому скромно склонять. А так жираф не заносчив; покладистый и компанейский. Дружит с зебрами и антилопами. Если и смотрит на них свысока, то поневоле. Он ведь и на слона свысока смотрит...

Боковое яркое солнце. Блестящие выпуклости зелени леса, провалы и гроты синих теней. Сияющие кораллы малахитовых кустов. И лесное пятнистое диво — жираф, вдруг выступающий из-за деревьев.

Прекрасный зверь. И... «прекрасная шкура», из-за которой охотники перебили жирафов везде, где их не взяли еще под охрану. Прекрасный зверь, украшающий герб Танзании.

ЗАКЛИНАТЕЛИ

Есть животные, которых не обязательно защищать; их и без того никто не обидит. У нас это аисты, скворцы, ласточки; их берегут и даже помогают гнездиться. Но есть такие, которым без защиты не уцелеть. Всем съедобным, например, всем красивым.

Африканские страны вынуждены были ввести ограничение на ловлю и вывоз ярких тропических птиц — так много любителей желали иметь их у себя в клетках!

Неприятные и опасные, такие как змеи, тоже не уцелеют. И потому во всем мире змеи сейчас взяты под защиту закона. Змеи так же необходимы в природе, как и все другие животные. А ядовитые змеи еще дают яд, из которого делают много лекарств. Грамм змеиного яда намного дороже грамма золота.

Змей особо приходится охранять; к ним везде враждебное отношение. Но странное дело: в Индии, где больше всего людей страдает от змей, к ним относятся куда терпимее, чем в других странах! Чуть ли не так же благожелательно, как у нас к ласточкам и скворцам. В Индии ко всем живым существам относятся по-особому.

На дороге у леса миомбо лежит раздавленная змея. Метра

в полтора, оливково-зеленоватая. Не заметить такую на гладкой дороге никак невозможно; кто-то переехал нарочно. Так поступают везде. Давят змей, ящериц, черепах. Ежей, сусликов, зайцев. Для всех это — дорожное развлечение.

И только в одной стране — в Индии — шофер объедет павлина, просигналит замешкавшимся обезьянам и даже затормозит, если через асфальт переползает варан.

Всякое существо, от мухи до слона, имеет такое же право на жизнь, как и человек. В Бомбее в храме собрались джаамисты: рты их были прикрыты марлей. Они боялись вдохнуть мошку или комара; боялись нечаянно взять на душу грех убийства.

В Индии много того, что принято называть «пережитками старого».

Священные коровы, священные обезьяны, священные змеи. Им, «пережиткам», города и селения Индии обязаны тем, что дикие животные так легко уживаются с человеком. Стервятники и грифы очищают задворки. Мангусты вылавливают крыс и мышей. А разве плохо, когда в садах живут попугаи, а павлины гнездятся в садах?

«Священные» коровы бродят по улицам и базарам. Они всем

мешают, но их терпеливо обходят и объезжают. Европейцев удивляет и раздражает такая терпимость; на своих дорогах они передавили даже собак и кошек.

В Бомбее однажды священные коровы вышли на поле аэродрома. И никто не хотел их прогнать: грех! А самолеты кружили и не могли сесть. Тогда привезли из зоопарка пленку с рыком тигра, и коровы сразу удрали с поля.

«Священные» обезьяны попрошайничают в храмах, скверах и парках. Я видел обезьян, которые скакали по крышам такси на стоянке. Раскачивались на проводах в ожидании поезда. Не успел поезд остановиться, как обезьяны посыпались с проводов, помчались по крышам вагонов и, вытянув руки, свесились к окошкам за подаванием. Их угощали бананами и лепешками.

На вокзальных проводах ночью спят гирлянды майн. У каждого фонаря шныряют гекконы. Их тут знают и не боятся.

Полусвет, гостиничная лестница, застеленная пыльным ковром. Очень важные европейцы спускаются в ресторан.

Вдруг суматоха, испуганные голоса. Посреди лестницы на ковре лежит большущий глазастый геккон! Я, конечно, его хватаю, чтоб подробнее рассмотреть. Меня боязливо обходят: криво улыбаются и морщат носы. А этот безвредный геккон их же стережет в номерах от ядовитых пауков, сколопендр и moskitov. Индийскому уборщику несомненно попадет за геккона — нарушителя гостиничного спокойствия. Но он и не думает его убивать, он показывает мне окошко, в которое можно выпустить ящерицу. Он уважает жизнь.

На деревьях в скверах сидят хмурые грифы. Стервятник чистит перья над головой уличного регулировщика. Стая зеленых попугаев щебечет посредине бульвара. Майны разгуливают по газону.

Ничего похожего в городах Танзании не увидишь. Тут с ними не станут возиться, если они хоть чуточку будут мешать. В здешних городах нет непуганых птиц, нет, пусть даже пуганых, обезьян. Не представишь коровы, которая разлеглась бы посредине панели. И змею, конечно, сразу убьют.

«Священные» змеи Индии...

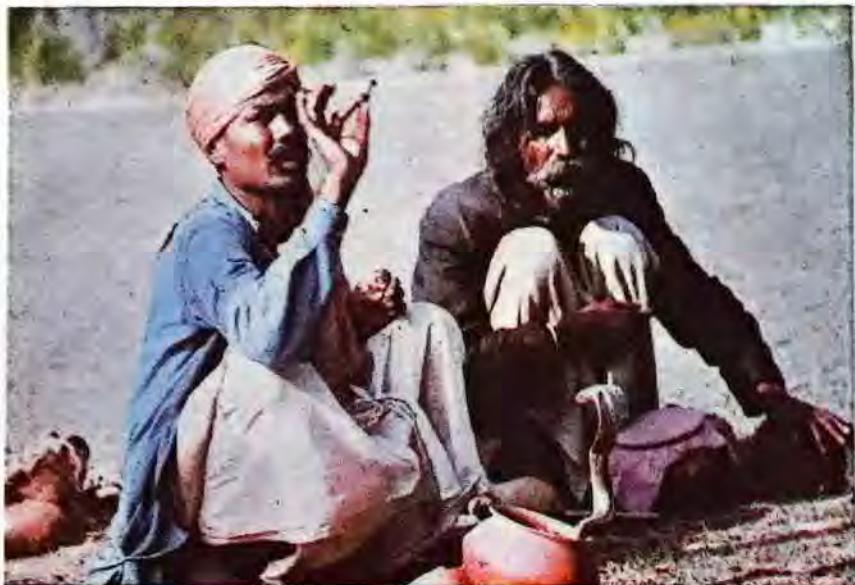
Невозможно быть в Индии и не увидеть заклинателей

змей! За вредность производства их молоком бы надо поить, а они еле зарабатывают и на хлеб. Последние Дон-Кихоты этой древней профессии. Старательные, скромные, милые люди. И не их вина, что приходится иногда приспособливаться и хитрить: зритель пошел не тот...

Меня заклинатели покорили сразу. Просторная лужайка в саду. Заклинателей двое: индийский Дон-Кихот и индийский Санчо-Панса. Как и положено в наш деловой век, всем заправлял толстый Санчо. А худой Дон-Кихот был у него на побегушках. Старик с удивленными глазами ребенка.

Старик не зазывает, не унижается, не пытается угодить и польстить. Он работает. Он озабочен; ловки и уверенны движения его сухих рук. За этой сноровкой угадывается увлечение. Ему очень хочется, чтобы всем понравилось представление, чтобы все остались довольны. И главное, чтобы все удивились тому, что навсегда удивило и пленило его. Работа для него не только заработок. Это увлекательная работа. Он любит своих змей и любит возиться с ними. Он быстро открывает плоские корзинки-плетенки, ловко вытягивает из них шипящих кобр и старательно дудит в свою цветастую дудку.

Вся рекламная часть представления ложится на хитрого Санчо. Этот у зрителей на поводу. Подыгрывает. Он точно знает, кого надо пугнуть, а кого насмешить, чтоб охотней расстались с рупией. И ему не терпится кончить, чтоб затолкать змей в корзинки и поскорей обойти зрителей с чашей.

Представление начинается с заклинания... зрителей! Самые податливые из них — туристы. Обалдевшие от спешки и впечатлений, они вдруг натываются на заклинателей. Черные пронзительные глаза гипнотизируют сразу: туристы замирают, как кролики. Тотчас заклинатели ударяют в смычки: пронзительно гнусавят, дудят дудки. Перед глазами раскачиваются яркие шелковые чалмы, закрученные рогами усы, пестрые сверкающие волынки. А это что? Батюшки, ожерелье из змей! Змеи тянутся к вам и дразнятся языками. А у того заклинателя пыльный удав на плечах! Раздувается, как пожарный шланг от воды.

Турист загипнотизирован и очарован: рука безвольно лезет в карман за рупией. Он готов и больше отдать, только бы не вздумали повесить живой шланг ему на шею...

Но зрителей надо парализовать до конца, лишить всякой воли к сопротивлению. Заклинатель с питоном медленно обходит обмерший круг. Уставясь в упор, подносит к носу ладонь, на которой вроде баклажана лежит голова удава. «Баклажан» смотрит на вас не мигая, словно прицеливается.

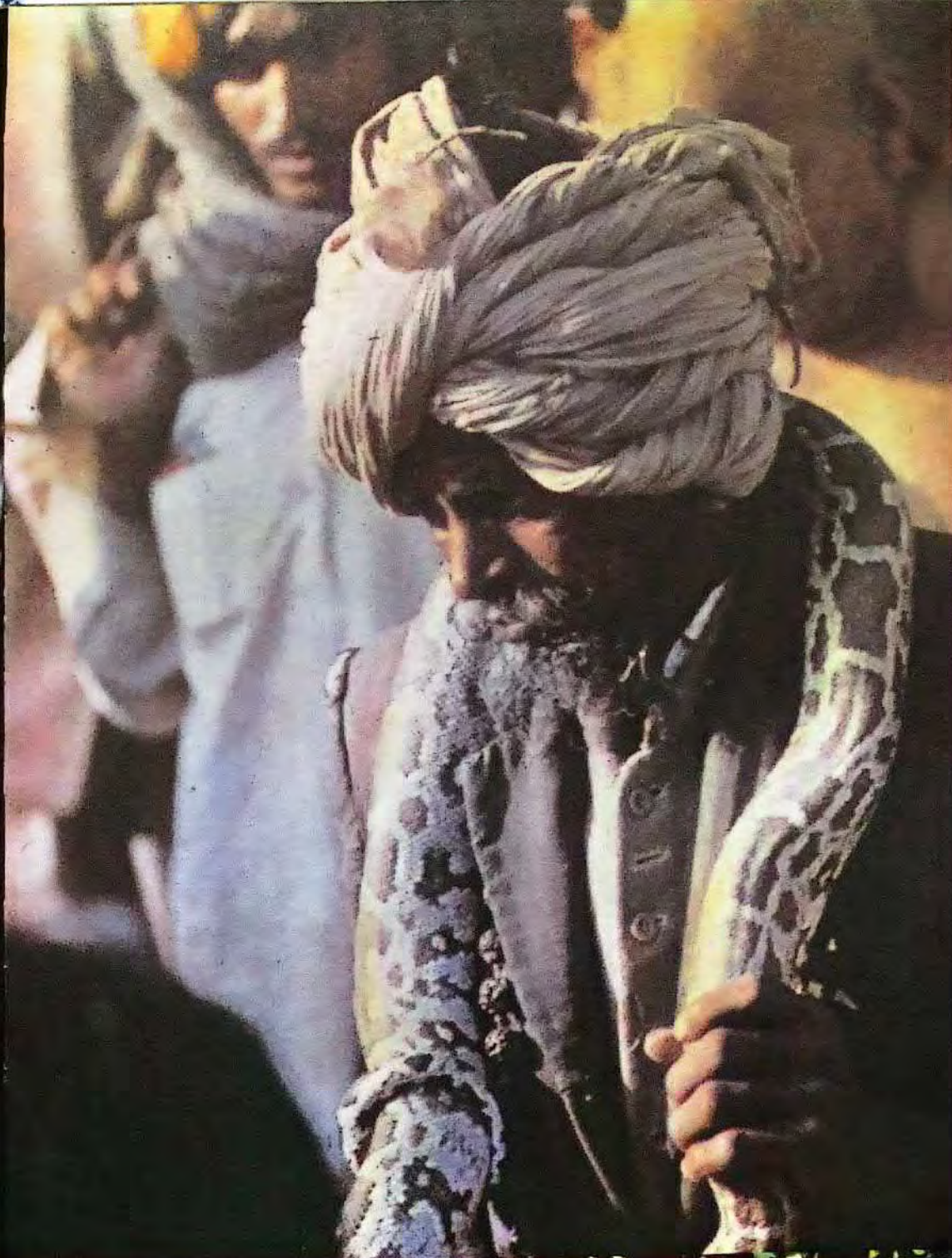
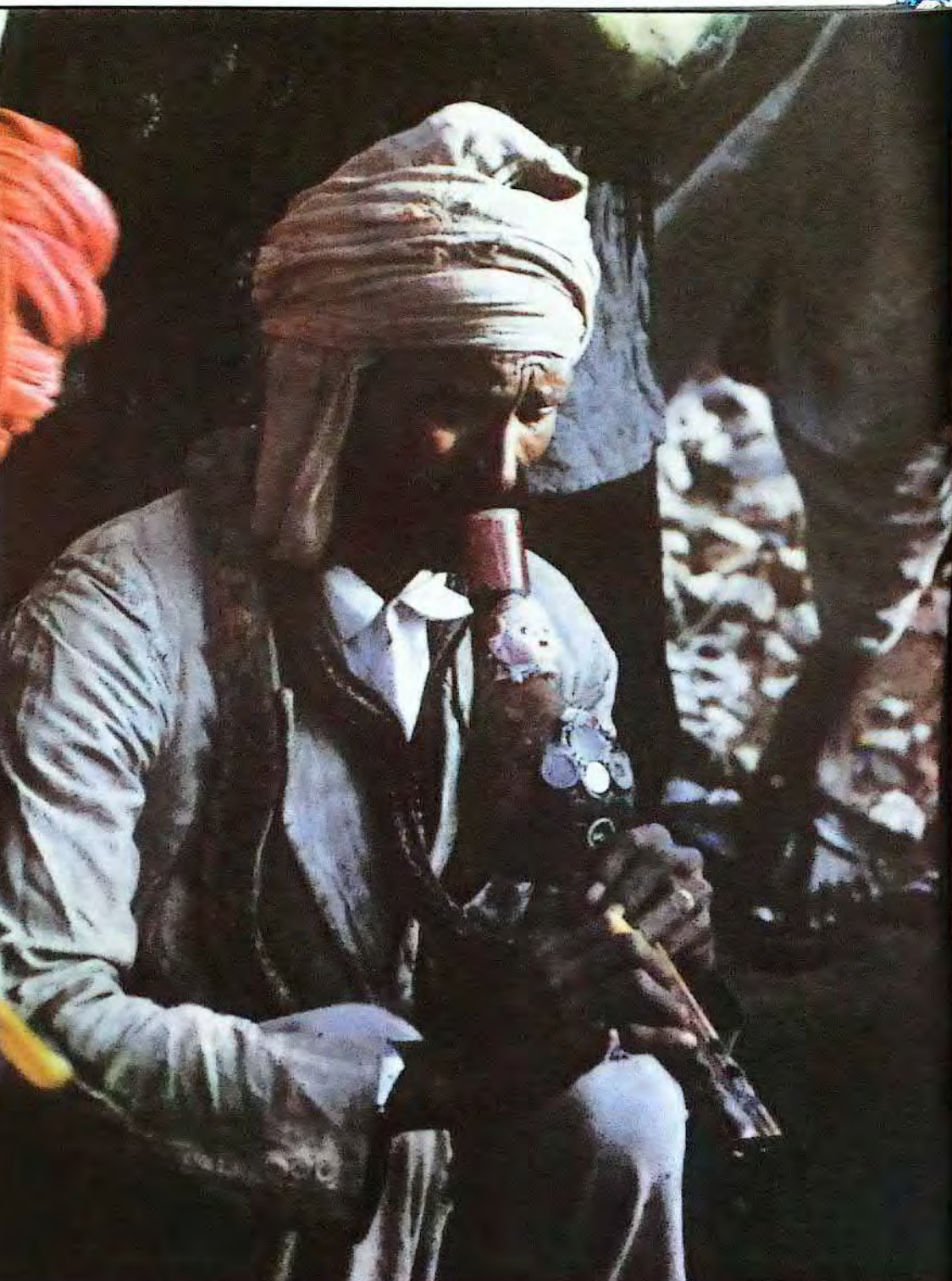
Если ты не совсем обомлел, еще ершишься и ерепенишься, заклинатель приподнимет удава, перегнув его, как хомут, и как бы попытается повесить на твою шею. Смелчак тихо икает и слабо отмахивается рукой: «Сгинь, сатана...» И откупается рупией.

Теперь у всех зрителей должное внимание и почтение. Никаких острот и легкомысленного хихиканья. А знают ли почтенные зрители, как удав душит? Сейчас мы покажем...

Полная тишина. Не думайте, что удав обматывает человека как придется или как индианка наматывает на себя сари. Не надейтесь спастись от удавьих объятий, уперев руки в бока: вот он вас обмотал, а вы быстренько прижимаете локти — и удавий обруч сползает к ногам; остается обруч быстренько перескочить, оставив удава голодным.

Удав душит не так.

Заклинатель, не сводя глаз с самого бойкого зрителя — если такой еще остался! — оборачивает удава, словно шарф, вокруг своей — пока своей! — шеи. Оборот, второй, третий. Небрежным жестом пижона забрасывает за спину удавий хвост. Толстые кольца змеиного тела начинают вздуваться и опадать, как дрожащие мышцы штангиста, выжимающего рекорд. Бронзовое лицо заклинателя становится медно-красным; выпучиваются глаза и раскрывается рот.

«Помогите!» — орете вы про себя. Но никто не помогает. Заклинатель сам себе помогает: то ли куда-то жмет, то ли что-то шепчет. И сразу обмякает и расползается тугой резиновый узел. Удав свешивается и раскачивается, как проколотый шланг.

Он не способен больше ни на какие фокусы. Природа одарила его только одним талантом: душить. А потом глотать. Проглотив — спать. И только так, и всегда в одном и том же порядке: не проголодается — не станет душить, не задушив — не станет глотать. Чары заклинателя помешали ему задушить, не позволили довести до конца так удачно начатое дельце. Раз так, то и глотать он никого не собирается. Сонно раскачивается на плечах. До лучших времен...

Заклинатель с удавом отступает в сторонку. Чары, чары! Все видят, что питон висит на шее у заклинателя, а на самом-то деле заклинатель сидит на шее у питона...

Выход второго артиста. Этот — слава аллаху! — в круг не выходит, он продолжает сидеть. Выступает, так сказать, сидя. Змею свою, желто-пятнистую и длинную, как бельевая веревка, он намотал на тело. Она не умеет ни душить, ни кусать. Ее дело — тянуться. Вот и тянется: кольцо вправо, кольцо влево; кольцо вниз, кольцо вверх. Кажется, с ног до головы заклинатель опутан змеями — и все они куда-то тянутся! Ползут и ползут, и никак расползтись не могут. Ни головы, ни хвоста, ни конца, ни начала. Весь заклинатель шевелится, весь тянется и переливается. И уныло дудит.

Ох уж эта свирелька! Не змей она очаровывает, а нас. Глаз не отвести. Сухая полая тыква с трубкой сверху и снизу. Дуют в верхнюю трубку, по нижней перебирают пальцами. Звуки гнусавы, пронзительны, диковаты. В старину змеиные дудки украшали драгоценностями, яркими перьями птиц, перламутровыми раковинами. Сейчас флейты украшены монетками, потерявшими цену, цветочками из бумаги, пластмассовыми кукольными головками. Трещины и царапины замазаны не «секретной» смолой, а детским пластилином. Пластилин плавится от жары и пачкает пальцы...

Меняются и мелодии. И сейчас еще звучит привычная «змеиная» музыка, но наиболее расторопные Санчо уже дудят мотивчики модных песен. На них больше сходится зрителей, а змеям всё едино: барабан или флейта, древняя змеиная мелодия или новейшая самба. Змеи слышат не ухом, а брюхом. Барабан для них даже лучше, от него земля сильнее содрогается, музыка крепче «берет за живот». Не пытайтесь, шагая по лесу, отпугивать змей свистом и песнями; куда надежнее топтать ногами или стучать палкой.

Под бойкий мотивчик и второй заклинатель кончил свое сидячее выступление. Наконец-то его змея — «борода» на леске начинающего спиннингиста! — кое-как разматалась. Теперь она медленно, не виляя,

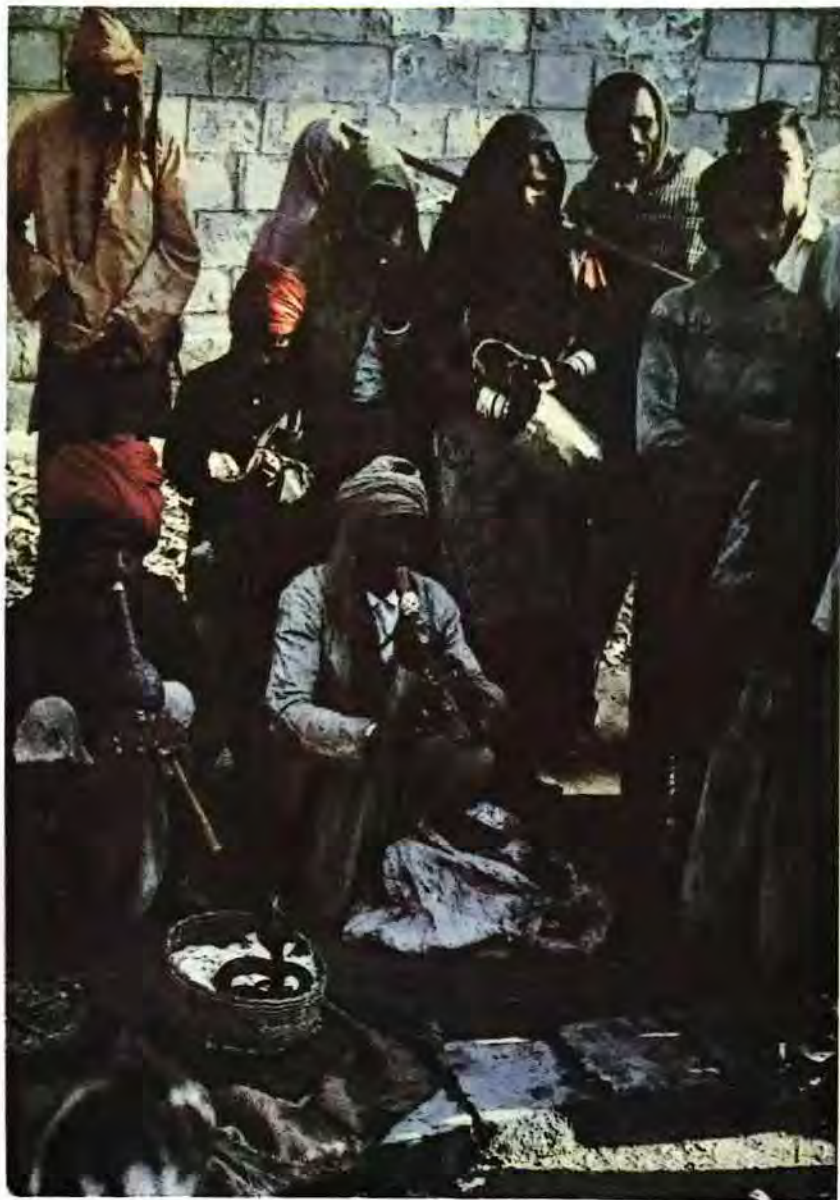
ползет-течет в ноги зрителей. Вытягивается палкой во всю длину. Заклинатель придерживает змею за хвост. Он похож на рыбака, который забросил длинное удилище на середину улицы и задремал: может, и клюнет...

Вряд ли длинная змея тянется цапнуть кого-нибудь в ногу. Ноги зрителей представляются ей, наверное, густыми родными зарослями, из которых ее когда-то распутали и запихнули в корзину. Но чем ближе она к спасительным «зарослям», тем дальше и быстрее они отодвигаются. Недостигаемые, как мираж...

Маленькая познавательная пауза. Зрителей знакомят с диковинным царством змей. Засунув руку по плечо в мешок, заклинатель что-то нащупывает на дне. В руке его тонкая, светло-зеленая змейка. Словно упругий и гибкий стебель с нераспустившимся бутонем на конце. На бутоне два больших золотых глаза. Змея оплела пальцы руки. Похоже на фокус с веревочкой: петли, петли, а потяни за кончик — и все петли сразу распустятся. Поясняет: банановая змея. Конечно, «смертельная».

А вот змея разноцветная. Сложена на ладони венчиком цветка с округлыми лепестками. Тело в серых, черных и красных розетках.

Змея-цветок. Желаящие могут потрогать. Желаящие трогают одним пальцем и сразу отдергивают его, как от раскаленного утюга.

Новая змея — двухголовая, только-то и всего! Завязана нетугим желто-пятнистым галстуком. Концы у «галстука» одинаковые: то ли две головы у змеи, то ли два хвоста. «Лектор» поясняет, что у этой змеи голова полгода на одном конце, а полгода — на другом. Надоест голове торчать справа, она — раз! — и налево. А что, в самом деле, все справа да справа...

Зрители пьются от двухголовой змеи. Заклинатель развязывает «галстук» и наматывает змею на свое запястье золотым браслетом.

«Двухголовую» змею я знаю. Это песчаный удавчик: такие живут у нас в Туркмении и Казахстане. Хвост у них толстый, как голова, потому и не разберешь сразу, где голова, а где хвост.

«Лекция» окончена, «наглядные пособия» суют в мешок. Мешок шевелится на земле, как ленивый тюлень.

Теперь распродажа. Купите «змеинный камень» — верное средство от змеиных укусов. Надо приложить к ранке. Камень похож на кусочек пемзы. Не хотите камень, есть кожа кобры на галстук. Кожа питона на сумочку или туфли.

Но вот главное, заключительное выступление. Кобры! Пронзительно завывли дудки: есть что-то в них от сирены «скорой помощи». Все смотрят на плоские круглые корзины. И на глиняные горшки, прикрытые тряпками. Быстрые руки заклинателя сдергивают тряпки и отбрасывают крышки корзин. Из корзин и горшков, как чертики на пружинках, взлетают столбиком кобры и начинают раскачиваться.

Кобры — талантливые артисты. Это вам не сонные тупые удавы и не ленивые полозы. У кобры имя! «Очковая змея» — самая ядовитая в мире. И кобра умеет «стоять на хвосте». Раздувает шею, словно раздвигает лопатки. Тут-то она и «надевает очки» — расправляет очковый узор на спине. И «смотрит» на зрителей сквозь это пенсне.

Плоская шея ее похожа на черную рубчатую подошву галоши. А «очки» на спине светлые, золотые. Но если кобра оливковая, то «очки» у нее роговые, в темной оправе. «Очки» — главная метка индийской корбы. Так сказать, фирменное клеймо. Удостоверение личности в развернутом виде с двумя круглыми печатями: прошу убедиться, это я, ее величество королева змей! Простые смертные должны почтительно посторониться. Простые смертные... При встрече с коброй выражение это принимает особый смысл. Уж очень легко и непринужденно умеет кобра из простых смертных делать просто мертвых! К чести ее величества, королева держит себя благородно. Всегда старается предупредить о себе: встает на хвост, фыркает и показывает очки. Но если и тогда прохожий не выразит ей почтения, королева немедленно «бьет». Дернется змеинная голова — и почувствуешь легкий

укол. Легкий укол, который приводит к тяжелым последствиям. Грамм яда кобры убивает 1000 кроликов, 60 лошадей, 167 человек.

Укушенный сперва просто испуган и возбужден; ядовитый огонь жжет место укуса. Потом наступает вялость и оупление. Забытье, похожее на сон. И смерть. Не всегда, конечно. Но часто. Спасти может ампула антикобрина. Но не везде ее можно достать, да и не станешь всю жизнь в кармане таскать! На все воля Будды. В переводе на русский — авось...

Есть в Индии кобры, которые ядом плюются. Норовят в глаз угодить: яд ослепляет противника. А если попадет на кожу — смой его, и вся недолга, никакого вреда не будет. От укуса четырехметровой королевской кобры — самой большой из кобр! — погибают даже слоны. Но все равно, из всех опасностей мира кобры где-нибудь на сотом месте. На первом, наверное, мотоциклы. За ними — автомобили. С коброй за всю жизнь можно ни разу не встретиться. А автомобили и мотоциклы на каждом шагу. От них даже в Индии погибает людей куда больше, чем от всех ядовитых змей. Но и там изо всех сил стараются извести змей и... развести как можно больше автомобилей.

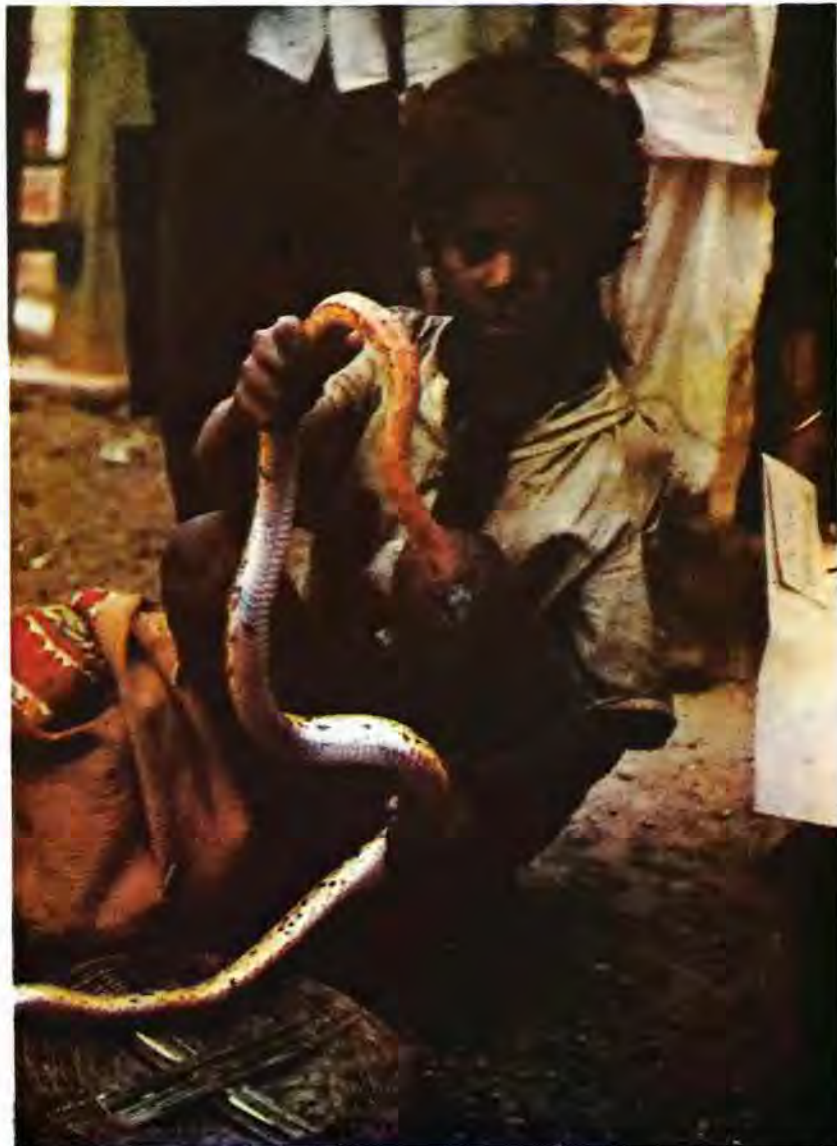
Заклинатели совсем не боятся змей. И очень боятся автомобилей. От них ведь не спасет ни сноровка, ни сыворотка, ни змеиный камень. Ни чары, ни заклинания. А кобры — любые! — послушно танцуют под дудку из тыквы.

Надув щеки до блеска, заклинитель дудит. И водит кончиком дудки у змеиного носа. Кобра злобно глядит на дудку и раскачивается вместе с ней. Это и есть «танец кобры». Так головка спелого мака раскачивается на ветерке...

Громче дудки — злее и напряженнее кобры. Заклинитель подносит к сияющим змеиным губам кулак: дразнит. Кобра откидывается, выгибаясь как лебединая шея.

Клевок! Так цапля бьет рыбу. Но кулак успевает отпрыгнуть. Снова изгибается кобра; кобра «взводит курок»! Еще клевок — мимо.

Кобра шипит, как кипящий чайник. Чихает, фыркает, чуть не плюется от ярости. Готова кидаться не только на дразнящий кулак, а в лицо, в колени, даже на собственную корзинку. Ничто уже, кажется, не может ее усмирить. Но вот оно, заклинание! В пальцах у заклинателя кусочек меди. Простой медный обрубок. Он медленно подносит его к носу kloкочущей кобры. И кипящая яростью бестия сразу снимается, успокаивается, глаза ее тухнут, дрябло опадает дрожащий от напряжения капюшон. Кобра «прячет очки». Не сводя глаз с медяшки, змея пятится и втягивается в корзинку под тряпку. Только что бешено бросалась на ненавистную руку и вот покорно от нее отступает. Заклинитель, улыбаясь, сует в корзинку босую ногу, кобра не трогает и ее.

— Мантры! — со значением говорит заклинатель. Это значит, дело не в дрессировке, — где вы видели дрессированных змей? Дело в мантрах — словах заклинания.

Научить змей нельзя ничему, они слишком тупы. Змеи не играют даже в детстве. Существо, не умеющее играть, не может понять и ласки. На что же надеяться дрессировщику? На угощение? Но змеи в неволе почти не едят, их кормят насильно.

Мантры так мантры. В каждом деле свои секреты. Почему бы и мантрам не быть?

Снова поют свирели. На очереди бой змей и мангусты. Заклинатель вытряхивает из мешка на траву большую крысу зеленоватого цвета. Носатая, коротконогая, толстая, неуклюжая. Не очень-то похожа она на знаменитого Рикки-Тикки; тот представлялся нам стройным, как горностаи.

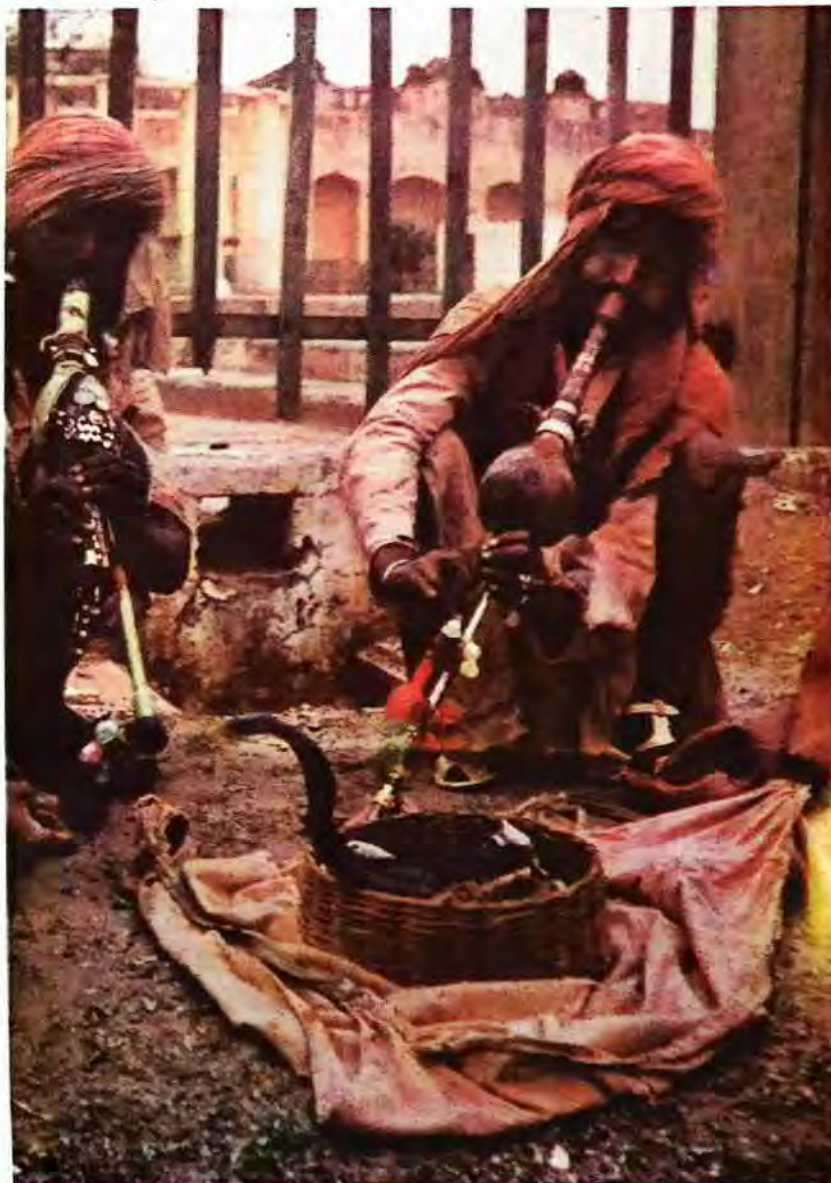
Крыса близоруко тычется в землю острым носиком. Ей подбрасывают зеленую змейку. Бросок; змея и мангуста, свившись в клубок, катаются по траве. Заклинатель хватается змею за хвост и поднимает над головой. На змее, как на зеленой веревке, крутится мохнатый клубок мангусты. Змею и мангусту опускают в мешок.

Никакого боя тут нет. Просто голодную мангусту накормили за счет зрителей. Ну и пусть: они заработали, а мы поглазели.

Представление окончено. Заклинатели переговариваются. Санчо досаждает на прижимистых зрителей. Дон-Кихот озабоченно завязывает мешки, закрывает корзины. Зрители тоже переговариваются. Они ожидали больших чудес. Иные даже досаждают: лучше бы сувенир купили. И только потом, уже дома, они вдруг поймут, что видели настоящих заклинателей змей. Какие были и сто лет назад. И все было всерьез: и чалмы, и флейты, и кобры. И люди с мешками за спиной, а мешки-то шевелятся! С корзинами под мышкой, до которых другим страшно даже дотронуться. Усатые, насмешливые, остроглазые. Отзвук древней сказки в наш гроыхающий век.

Заклинательством в Индии, как объяснили нам, занимается племя ком-йогов. Старые секреты постепенно теряются, искусство заклинателей превращается в ремесло. Чем удивишь нынешнего заинформированного туриста? И про Землю он все знает, и про Луну все знает, и все знает про змей. Нет для него тайн, он живет в мире отгадок. И скучно ему в этом мире до зевоты.

Теснятся заклинатели в грязных лачужках на окраинах городов. Горшки, мешки и корзинки со змеями рассованы по углам. За змеями надо следить, змей надо кормить. И на глаза зрителей нельзя выйти в рубище. А изнурительное сидение на улицах и площадях! Пыль, жара, бесконечное шарканье равнодушных ног. Все озабочены, все спешат. Ни у кого не осталось времени на сказку: что в ней? ..

Змей заклинатели ловят сами; для себя и для продажи. Змей ценят с метра: чем длинней — тем дороже. Как наши новогодние елки...

Не думайте, что змей из нор заклинатели тоже выманивают пением дудок. Как было бы это просто! В Туркмении однажды один ловец змей пытался приспособить магнитофон. Записал шипение кобры и стал проигрывать у норы. Расчет был такой: змея в норе услышит соперника и выползет, чтоб прогнать чужака. Змеи не выползли, шипение чужака не волновало их. Я посоветовал записать весеннее шипение змеиных дам; вдруг их «пение» привлечет кавалеров? Ловец загорелся. С каким удовольствием и я просидел бы с ним ночь в каком-нибудь потаенном ущелье, нежно шипя магнитофоном! Не знаю, получилось ли у него: больше я его не встречал...

Заклинатели выкапывают змей из нор или просто ловят рогулькой. Но как не просто ловить и не просто выкапывать! Вот нора — чья она? Если и змеиная, то брошенная или жилия? И какая змея в ней живет — ядовитая или безвредная? От верной разгадки зависит не только твой труд — копать или нет? — но часто и жизнь.

Стенки норы заглажены, паутины у входа нет, — значит, нора жилия. Чтобы не запутаться в ее ходах и отнорках, затапливают тонкие прутки. Каким надо быть осторожным, знают только те, кто сам раскапывал норы змей руками. На черный случай у ловца в кармане тот самый «змеиный камень», который якобы впитывает яд. Или два железных крючка по форме ядовитых зубов. Крючки раскаляются на жаровне. Если змея укусит, раскаленные крючья сразу втыкают в ранки: жар выжигает яд. Но не весь...

Вы видели когда-нибудь дикую кобру? Она фыркает и шипит, она трясется от ярости словно кошка, которой прищемили хвост. Сплюснутый капюшон вогнутой антенной радара поворачивается за вами. Как непохожа она на прирученную! Но должна стать похожей... Только спокойная кобра может обеспечить заклинателю спокойную жизнь.

Дикой кобре долго не дают пить и есть. Поднимают за хвост и легонько встряхивают. «Так надо». А надо затем, чтобы змея не могла делать быстрый бросок. От встряхиваний ослабляется позвоночник, растягиваются мышцы спины. Движения кобры становятся плавными и неуверенными. Кобре, как теперь говорят, «прививают комплекс неполноценности». Это очень важно при дрессировке: лишить уверенности. Кобра ядовита сразу же по выходе из яйца. Она привыкла, что стоит ей встать на хвост, «надеть очки» и зафыркать — и все шарахается. И вдруг все разом меняется! Встает на хвост, а заклинатель не убегает. Пенясь от ярости, кидается кобра на дудку и... получает по ядовитым зубам! Первый раз в жизни.

Но не последний. До тех пор будут бить по зубам, пока она перестанет в них верить. Иные заклинатели вообще выдирают зубы. Или зашивая рот. Кормят кобр тогда через трубочку, вливая сырое яйцо.

Ни один заклинатель не держит змею у себя до смерти. Если змея слабеет — ее выпускают в джунгли.

Даже самая тупая кобра скоро перестает кидаться на дудку; теперь она только следит за нею, раскачиваясь в том же ритме. В этом весь смысл танца под дудку: кобра перестала верить в себя. Теперь ей каждый хозяин.

Изредка кобра как бы спохватывается, пытается тряхнуть стариной, отправить заклинателя на тот свет. Но заклинатель не дремлет, он всегда предвидит момент нападения. Мы же знаем, до какой поры можем дразнить свою кошку!

Знает и заклинатель, что днем кобры чаще делают ложные, пугающие броски. Что старые кобры, в отличие от молодых, реже бросаются и кусаются. Заклинатели многое знают.

И все-таки почему разъяренная кобра от простой медяшки вдруг успокаивается и прячется в корзину? Тоже, наверное, чего-то боится. Удара или ожога. Мантры. Секрет...

Уйдут с улиц городов чудаковатые люди с гнусавыми дудками, яркими чалмами и корзинками из расщепленного бамбука. А что взамен? Транзистор на шею? Или чудеса голубого экрана?

Гнусят дудки. Раскачиваются кобры. Молчат зрители.

В боях мангусты и кобры, по-моему, виноват Киплинг. Все читали про Рикки-Тикки, все хотят видеть бой. Бой у всех туристов в почете. Бой быков, петухов, перепелов. Бой собак, баранов и рыб. Даже бои сверчков и скорпионов.

На радость туристам мангусту натравливают на кобру. Зверь и змея, стервенея, вынуждены защищать свою жизнь. Им некуда отступить и негде спрятаться. Мангуста впирается кобре в глотку, и кобра издыхает у зрителей на глазах. Но герой-победитель мангуста часто гибнет потом, от ее укусов. Жалея кобр и мангуст, заклинатели вырывают у кобры зубы, а пасть мангусты незаметно связывают ремешком. Но кто станет платить за бескровную и безобидную возню? Все должно быть точно по Киплингу.

В розовом городке Джайпуре, впав, как и все, на представлении заклинателей в детство, я отдал им последние десять рупий. И... получил выговор от гида: «Хватило бы им и двух! Требуйте сдачи».

Я живо представил: я требую сдачу. У кого? У заклинателей змей. Где? В стране чудес — Индии. Мне стало грустно...

Заклинатели хитро посмеивались. Неужели и они сочли меня олухом? Или они что-то поняли?..

Разные фокусы, разные заклинатели. Но всегда красочные одежды, пестрые дудки, громкая музыка. Заклинательство — представление. И заклинатели — артисты. Древняя профессия Индии. Волнующая, как волнует старая наивная сказка. Малыши смотрят на представление очарованно, раскрыв рот. Снисходительно, но задумчиво смотрят взрослые. Старики печально покачивают головой. Какое-то общее впадение в детство: в свое детство, в детство своего народа...

Бухгалтеров со временем заменяют машины, газетчиков — автоматы, как кондукторов уже заменили шкатулки-копилки. Но хоть что-то осталось от их прежней профессии, хоть что-то о ней будет напоминать. У заклинателей нет замены: они исчезнут бесследно. Мне жалко их. Хоть они и надули меня на десять рупий...

Отношение к живому...

Живое можно беречь и даже ценить на вес золота. Лес — зеленое золото, звери — мягкое золото. Как нефть и уголь — черное, а вода и воздух — голубое. Богатства природы, кладовая природы.

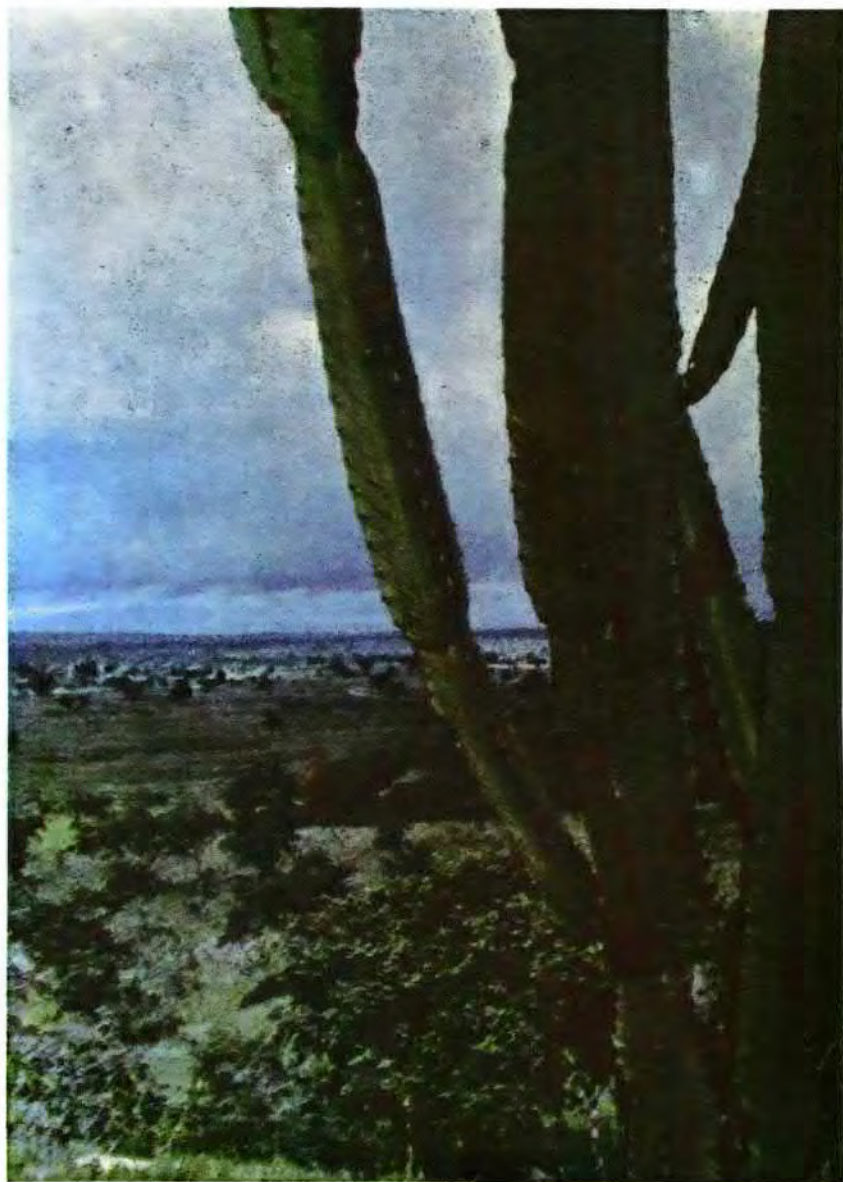
Но утверждается и новое отношение. Уже говорят: «зеленый друг», «меньшие братья», «наши дикие земляки». Такая оценка куда дороже. Это уже для души. Принято говорить, что столько-то тонн чугуна или угля приходится на душу населения. Не нужен душе ни уголь и ни чугун. Только в общении с живым душа сохранится живой.

Мера живой красоты на душу населения — кто ее подсчитал? Необходимую и достаточную? Поднимемся ли мы до благоговения перед жизнью, перед тайной и красотой дикой природы? Или превратим ее в скотный двор? Или в стрельбище для «спортсменов-охотников»?

В Индии проще укротить человека с ружьем. Труднее всего это сделать в Европе. Тут «спортсмены» уже опустились до мясников: отстреливают в «хозяйствах» излишки полудомашних птиц и зверей. От всей охоты остался им выстрел, который продается за деньги. Как в тире. «Стрельба по оленю», «стрельба по кабану» — есть такие мишени для упражнения стрелков на стенде. Только на стенде тянут за веревку картонного оленя и кабана, а в охотничьем скотном загоне бегут живые, полудомашние звери. С инвентарным номером на хвосте. Отбракованные ветеринаром. Ты его еще не убил, а уже известно, какие у него рога и какие клыки. И какими глистами он заражен. И мясо ты должен сдать. Взвешивать не обязательно: в книгах учета и вес, наверное, проставлен...

Санитарный отстрел, конечно, необходим в таком полудомашнем лесном хозяйстве. Но при чем тут любительская охота?

Вечером за лесными холмами снова вспыхивало и ворчало. Темный лес стрекотал и улюлюкал. Взвизгивала летающая пила. По-коровьи мычал бегемот в моргающем озерке. Цикады вскрикивали по-жабьи. Ночной лес миомбо тужился что-то изречь. И не мог...

«Большая пятерка»: слон-тембо, лев-симба, бегемот-кибоко, буйвол-мбого и жираф-твига. «Большую пятерку» облюбовали охотники: большая пятерка — большие трофеи. Большие шкуры, большие рога, большие бивни. Большая слава...

Мы на «пятерку» смотрели не через прорезь прицела, а в видоискатель фоторужья. Но все равно много ли сможешь увидеть, тарахтя на машине по тропам? Чтобы узнать жизнь леса, не месяц нужен, а вся жизнь.

Из всех живых существ мы, люди, оказались самыми приспособленными. Не страшны нам ни холод, ни зной, ни высота, ни глубина. Мы почти неуязвимы. Весь же остальной зыбкий мир, как и тысячи лет назад, полностью зависит от градуса температуры, процента влажности, от самой крохотной загрязненности воздуха и воды. Нам, неуязвимым, трудно даже представить всю тонкость связей в природе.

Миллионы лет естественный отбор создавал многообразие, совершенство и красоту животного мира. Охотничий отбор за десятилетия привел к его оскудению и вырождению. В Африке больше всего заметно это именно на «большой пятерке». Все меньше слонов с огромными бивнями, все реже буйволы с рекордными рогами. Гигантские удавы и крокодилы давно переделаны на маленькие кошельки. Все меньше львов, доживающих до «пулевой» спелости. Спасти «пятерку» от уничтожения могут лишь заповедники; звери должны быть под защитой закона. Без этого им не выжить.

Охотники в Африке отличились особо. За один человеческий век они уничтожили девять десятых африкан-

ских зверей. Армия вооруженных мародеров, подобно стаду прожорливой саранчи, опустошала леса и саванны. Груды падали оставляли они за собой, ветер разносил запах тлена. У слонов вырубали бивни, у носорогов вырубали «рога», у бегемотов вышибали клыки, у буйволов и антилоп выламывали рога. А туши бросали. У газелей вырезали только кусок мяса себе на обед. Тучи падальщиков и стервятников сопровождали двуногих хищников.

Со времен Брема до начала нашего века ежегодно в Африке убивали 50 000 слонов. А по другим подсчетам даже 100 000! Вырубали 200 000 бивней и оставляли гнить чуть ли не полмиллиона тонн мяса! В одном 1875 году вывезли из Африки четырнадцать с половиной тонн — тонн! — страусиных перьев. Сколько же для этого надо было убить страусов! Уничтожены берберийские и капские львы. Из шкур зебры-квагги делали мешки для зерна; теперь квагга уничтожена полностью. Чтобы уничтожить муху цеце, переносчицу опасной болезни, уничтожили только в Родезии 375 тысяч слонов, буйволов, жирафов и антилоп. Меньше всего от этого пострадала сама муха цеце: ведь она питалась кровью и мелких зверей.

В 1952 году из Танзании вывезли 12,5 тысячи крокодиловых кож. Уложи убитых крокодилов в цепочку — и получится «ремешок» в 35 километров.

Ежегодно в Африке убивают на галстуки и ремешки столько змей, что этими ремешками и галстуками земной шар опоясать можно!

Сейчас в Африке охотники трех сортов. Иностранные «спортсмены» — богачи, покупающие право на отстрел диких зверей. Местные браконьеры. И третий сорт, особая категория охотников, которые убивают «в порядке самозащиты». Это о них сказал знаток Африки Гржимек: «Горе-охотники чуть было не истребили всех зверей Африки в порядке самозащиты». Свидетелей-то рядом нет! Зверь ли напал на охотника или охотник на зверя?

Не просто и с «законными» охотниками. Не в том беда, что богатый бездельник убьет буйвола или слона; в некоторых местах их развелось больше нормы; этот избыток и продают приезжим охотникам. «Спортсмен» хорошо платит, а деньги нужны для охраны и расширения заповедников. Беда в том, что охотится такой «спортсмен» на глазах жителей. Значит, чужаку можно, а своим нельзя? Потому-то местный браконьер чувствует себя не преступником, а обиженным. Потому-то он так и живуч.

В Танзании много делается для охраны животных. «Самоотверженные люди, у которых нет поганой привычки держать палец на спусковом крючке», стараются сделать все, чтобы сохранить изумительную, неповторимую природу Африки.

СИМБА

Величественный царь в золотой гриве-короне. Когда ветер мотает львиные космы, а раннее солнце пронизывает их лучами, львиная «корона» полыхает костром! Пожалуй, одному соловью досталось столько же восторженных слов, сколько и льву.

Лев, как и соловей, тоже «поет». И смысл «песни» его тот же: место занято! В тихую ночь львиная «песня» слышна за десять километров. Раз рявкнет, а на триста квадратных километров о себе заявит!

Львы живут прайдами — большой львиной семьей. В прайде один — два льва, три — четыре львицы и с дюжину львят разного возраста. Забота львов — охрана прайда и своих охотничьих владений. Забота львиц — охрана львят и охота. У львят никаких забот: игры и сон. Подобно котяткам, они катаются по земле и задирают друг друга. Надоедают львицам, теребя их за шею и за хвосты. Даже львов тормозят. Дружная львиная стая — прайд.

Старые натуралисты так писали о львах: «Все чувства, даже сама любовь, у этих плотоядных подчиняется условиям существования, налагаемым на них их зубною системою».

«Зубная система» у львов основная: клыки в десять сантиметров. Лев может одолеть жирафа, буйвола, носорога. Но нападает на них очень редко. Лев ленив и не любит рисковать. Привычная добыча его — зебры и антилопы.

Охотится прайд загоном: львы-загонщики нагоняют антилоп и зебр на львов-охотников, залегших в засаде. Эти кошки

умеют прятаться даже в низкой траве. Охотники — чаще львицы! — коротким броском хватают добычу. Кидаются на нее, опустив голову и задрвав палкой хвост.

Львы первыми подходят к добыче и поедают лучшие куски. Потом едят львицы. Львям достаются остатки.

Все львята в пятнистых «рубашках» — песочных в горошек. Молодые львы в пятнистых «штанах» — пятна у них только на передних и задних лапах. А с трех лет львы становятся одноцветными.

Чем старше лев, тем больше любит он подремать на своем «троне» — в тени дерева. Но старикам нет покоя. Совсем старых и ослабевших разрывают гиены и степные гиеновые собаки.

Иногда львы вскарабкиваются на деревья и дремлют на толстых суках, свесив лапы и хвосты. Таких называют «висячими львами». Но в Микуми «висячих львов» нет.

Сто крупных зверей в год нужно льву на обед. Поймать их совсем не просто: ни одному льву не дано в открытую догнать свой «обед». Здоровые зебры и антилопы легко уходят от самого шустрого льва. Но у льва глаз наметан, как у опытного врача: он сразу видит в стаде больного. И преследует его куда упорнее, чем здорового.

Львы, как и все хищники, санитары.

Иной раз пойманная львом антилопа совсем здорова на вид. Но это не значит, что она полноценная. Значит, не так была чутка, не так осторожна, как другие. Или просто была глупее других.

Но и львов объявляли «вредными хищниками». Появлялись предприимчивые охотники, которые устраивали побоища. Самые «старательные» за одно сафари убивали до сотни львов. Даже шкуры не брали; отрубали лишь кисточку от хвоста. Особый охотничий шик.

Лев и сейчас модный охотничий зверь. Мода привела к тому, что все реже стали встречаться крупные звери с «прекрасными гривами». Из-за моды и буйволы не успевают отрастить «прекрасные рога», а слоны — «прекрасные бивни».

Все короче становится звериный век.

Все мельче ячейки истребительной охотничьей сети...

Еще в XIX веке предупреждали: «С исчезновением льва пресечется династия царя зверей, венец ее занесут сыпучие пески пустыни».

К счастью, львы пока сохранились. «Натуралисту дорого, чтобы все исшедшее из лоно природы не погибло». Да и не только натуралисту.

ТЕМБО

Тысяча двести слонов живут в парке Микуми. Группами и в одиночку. Слоны и разрушители и созидатели. Они вытаптывают кусты, обламывают деревья. Но и рассаживают их, поедая плоды. Как наши дрозды — рябину. А семена некоторых деревьев прорастают только в том случае, если они побывали в слоновьем желудке!

«Сеет» слон гнездовым способом: горсть семян на кучу удобрений. Чтобы поросль в будущем очень уж не кустилась и не глушила сама себя, часть семян, закатывая в шары, растаскивают жуки-навозники. Тоже деревья сажают: зарывают в землю по 2-3 семечка с горстью навоза. Природа сама себя никогда не погубит!

У слонов много друзей. Птицы садятся слонам на спину, на бивни — хватают взлетающих мух и кузнечиков. Слоны в засуху роют колодцы, к которым сбегается все живое.

В Микуми мало птиц, и мы не встречали слонов, облепленных птицами. В Микуми много травы, и слоны редко обламывают деревья. И не роют колодцев — тут и так достаточно водоемов. Но зато в Микуми вы можете встретить слона под хмельком! Растет тут дерево мерула, к плодам которого равнодушны слоны и... местные жители. Жители варят из плодов пиво, а слоны поедают плоды сырыми. Но тоже пьянеют! Бывает, подвыпившие африканцы сталкиваются на узкой дорожке с гуляками-слонами. Слонам-то от этого хоть бы что, а вот африканцы, говорят, сразу трезвеют...

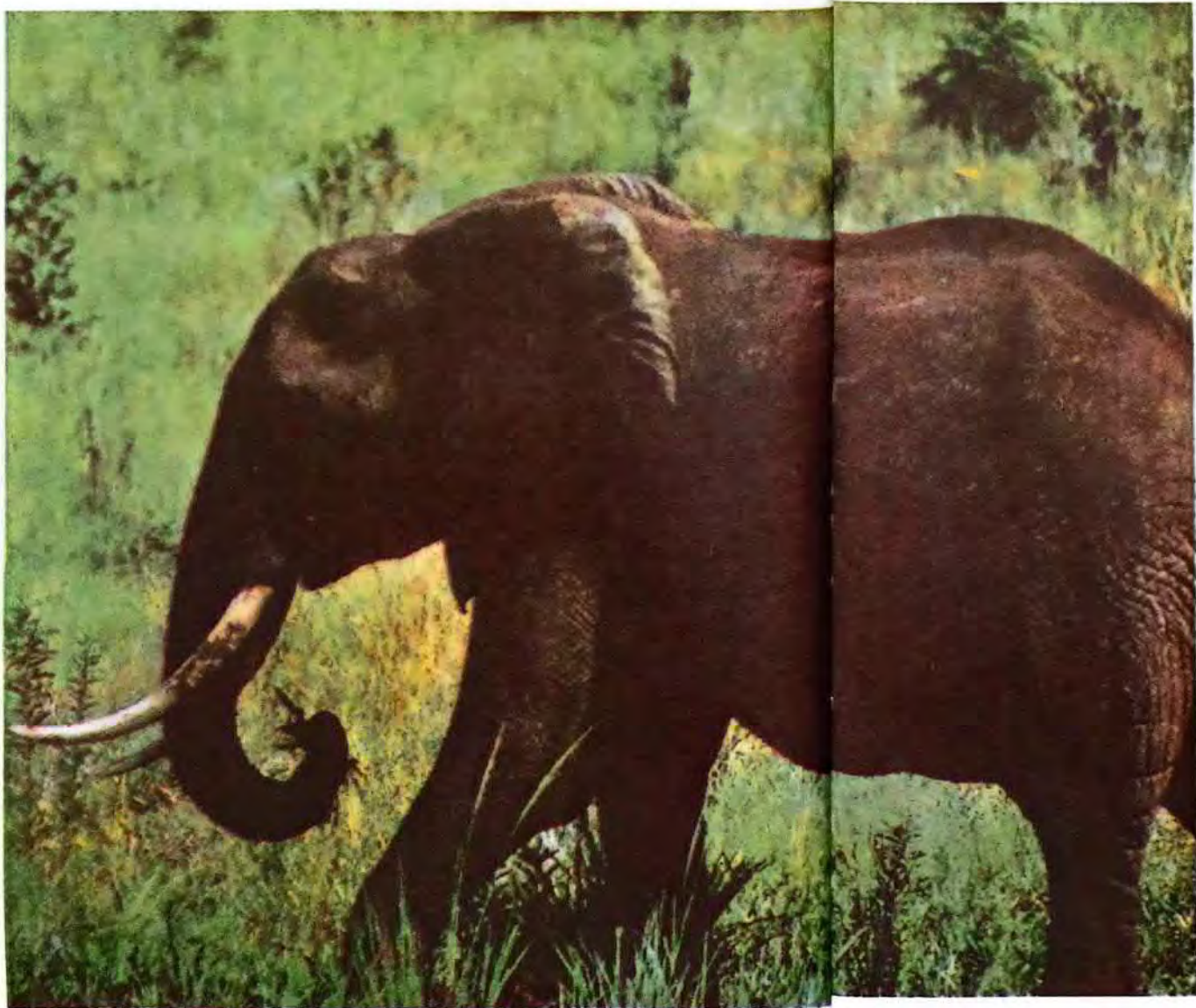
Любят слоны целебные ванны. Воздушные — в жаркий полдень подолгу стоят на ветерке в тени. Водные процедуры — купаются и обливаются. И пылевые ванны. Втянув хоботом добрую понюшку пыли, слон с наслаждением обсыпается, прямо тонет в пылевых облаках!

Дотошные наблюдатели заметили, что слоны умеют переговариваться... животом! Урчание в животе, чревоущание — что-то вроде мирной слоновьей беседы: «Все спокойно, можно пастись». И вдруг животы замолчали. Тишина! Значит, слоны что-то услышали и насторожились. В старину слонов умели даже подманивать на такое урчание. Как у нас изюбра на рев. Только надо было обязательно выкататься в слоновьем помете: чтоб человеком не пахло...

Нынешние охотники слона могут «вычислить» по следам. Диаметр следа надо умножить на 2л. Получишь высоту в холке. Я вычислил слона, который приходил на помойку. Рост получился баскетбольный: метр девяносто. На глаз так и есть; молодой еще слон.

Бегущее стадо, если приложить ухо к земле, слышно за два километра: словно поезд приближается к станции.

Рассказывают, что в укромных местах заповедников туристы со

слонами затевают игру: кто ближе подойдет к стаду? Как во всякой опасной игре, в какой-то момент смелость людей превращается в глупость. Невидима эта черта: переступил — и дурак! Я представляю бегущего человека, за которым гонится слон: ночной кошмар, барахтанье в вязкой смоле! Надо быстрее, а ноги ватные, ноги не слушаются тебя. А затылок и спину уже обдаёт горячее дыхание хобота...

Но попусту слоны никогда не нападают. Даже слонихи со слонятами сперва долго пугают: растопыривают огромные уши, трясут головой, визжат и трубят. И стоит тебе отступить, как они успокоятся и уйдут.

Слоновые уши... У индийских слонов они похожи на контур Индии. У африканских — на карту Африканского континента. Чем старше слон, тем больше на ушах рубцов и шрамов. Когда-то думали, что слоны полтора века живут. Оказалось, средний возраст вольных слонов всего-то пятнадцать лет. Даже этим гигантам, у которых в лесу нет врагов, не просто стало прожить полный слоновий век. Все меньше остается свободных пространств, необходимых слонам. Африканский континент теперь иссечен дорогами, бороздами, пашнями, царапинами границ и каналами, как уши старых слонов — рубцами...

Чем внушительней слон, тем он уверенней обмахивается ушами. Слонята в присутствии взрослых ушами не очень-то хлопают. По слоновьим понятиям это невежливо. За такую вольность можно и по затылку схлопотать...

В свое время выручили слонов из

беды... изобретатели пластмассы. Еще сто лет назад было предсказано: «Нет сомнения, что со временем эти умные животные совершенно исчезнут с лица земли ради тех бильярдных шаров, браслетов, ручек для зонтиков, клавишей и различных безделушек, которые приготавливаются из бивней».

Сейчас «все подлинное» снова входит в моду. Но слоны уже под охраной. И только ловким браконьерам удастся добыть бивни и продать их любителям подлинной слоновьей кости. Ну и охотники-спортсмены тешат еще себя слоновьей охотой.

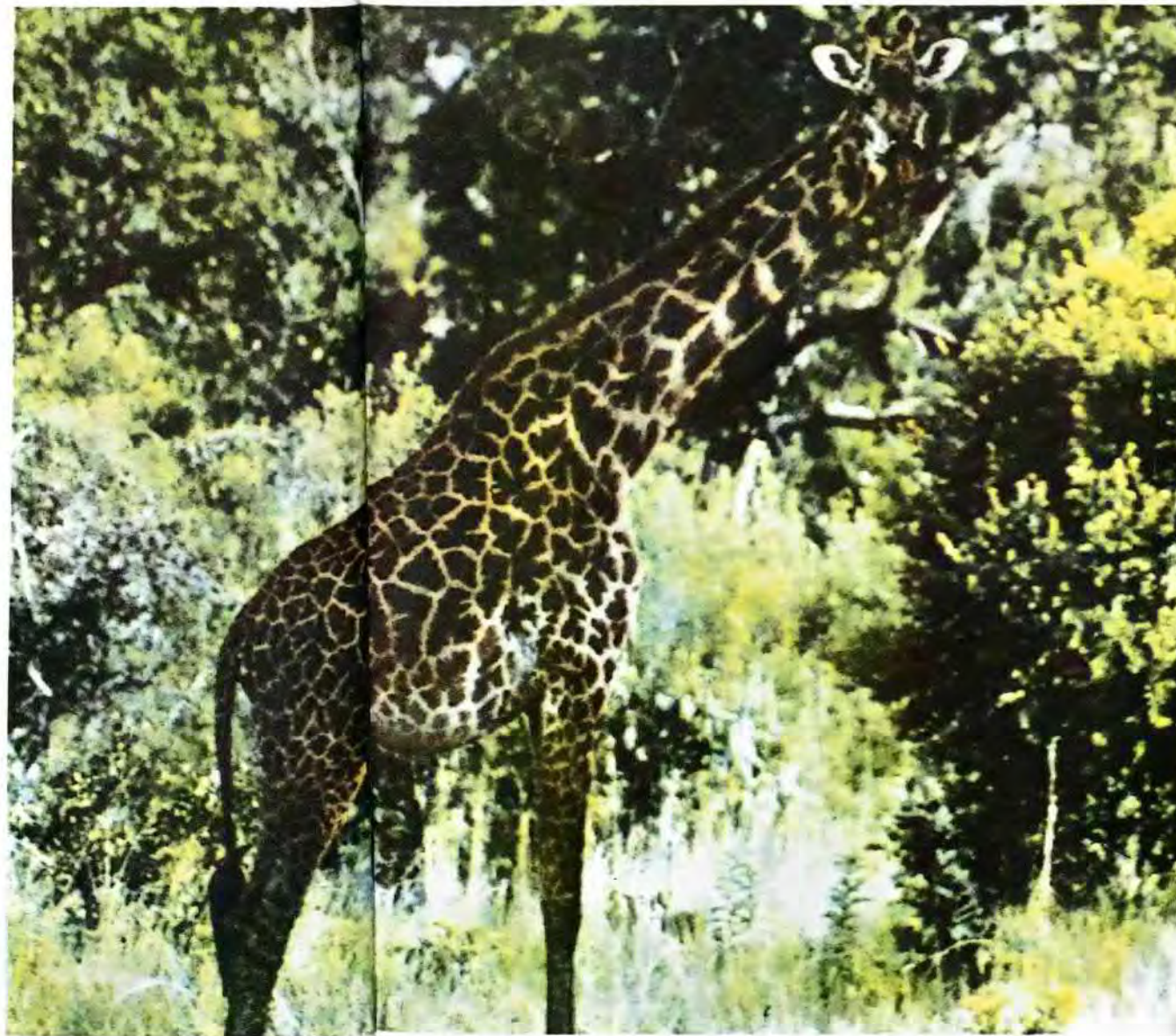
Чудо Африки — слон — пока еще бродит по лесам и саваннам. «Величественное зрелище представляет путешественнику это собрание громадных, организованных масс среди очарований пустыни и бесконечности девственных лесов».

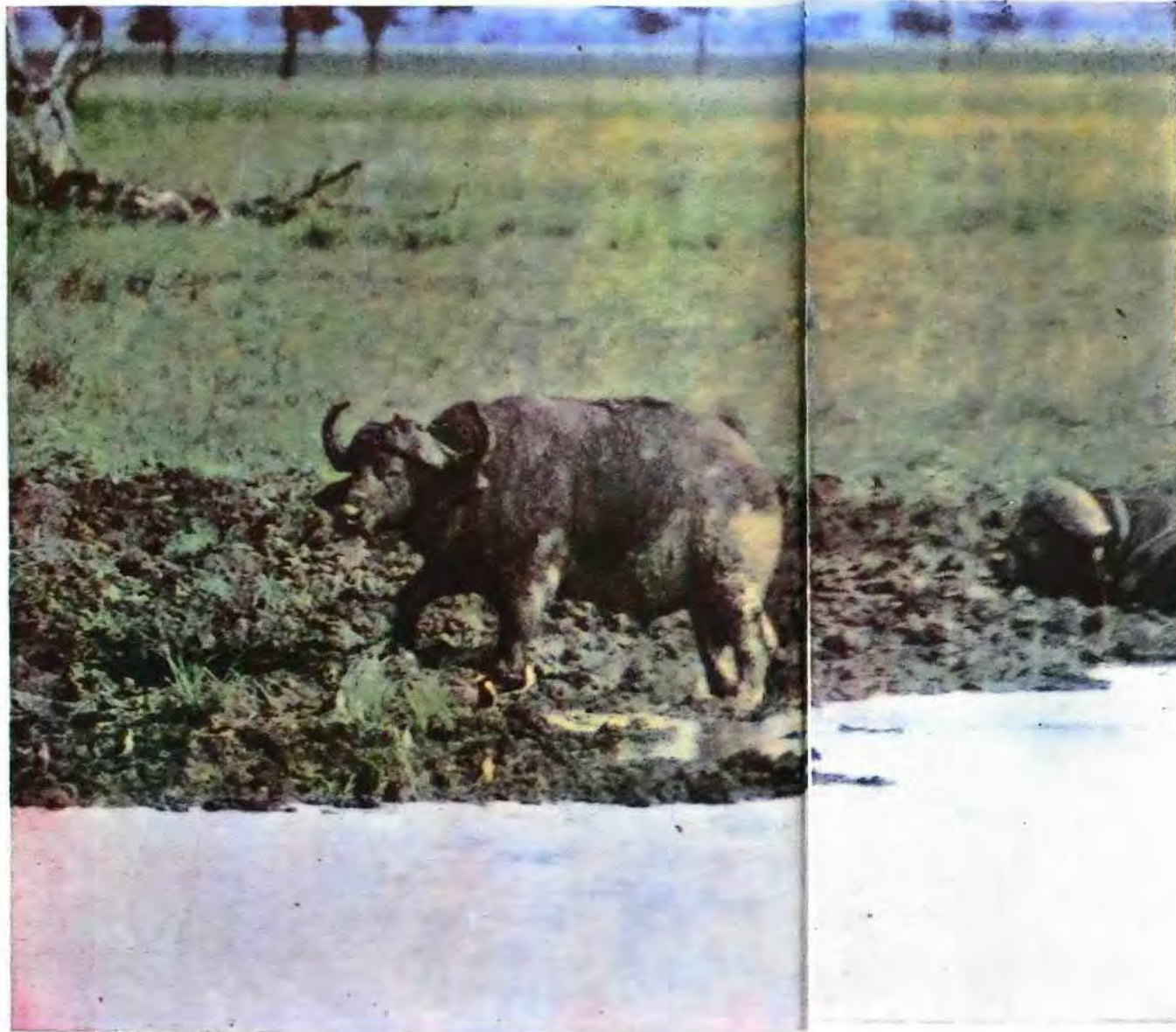
ТВИГА

«В 1770 году лондонское королевское общество впервые заговорило о жирафе и издало рисунок его». Всего два века назад! «Секретарь зоологического общества предпринял охоту на жирафа, пригласив местных жителей. Первое животное было изрублено саблями». Познание началось...

Самый высокий зверь на земле. Когда над саванной слоится туман, головы жирафов скрываются в нем, как в облаках. А в жару жирафы прячут головы в зеленых облаках листьев.

Мы мечтали увидеть знаменитый жирафий бой шеями. Но нам встречались мирные и покладистые жирафы.

Они неподвижно стояли у дороги и мирно посматривали по сторонам. Или убегали, мерно раскачиваясь, как на качалке, и лихо крутя хвостом.

Жирафы очень молчаливые звери. Раньше даже считали, что они совсем немые. Оказалось, взрослые блеют по-козьи, а молодые мычат, как телята.

Детеныш у жирафа один. Со временем детеныши собираются в особые детские группы, за которыми следят одна-две старых жирафы-няни.

Шкура жирафа в самом деле прекрасная: золотистая, в бурых кленовых листьях. Даже у спортсменов-охотников в последнее время не поднимается рука на жирафа, им стало стыдно губить беззащитного прекрасного зверя.

МБОГО

Стадо буйволов издали похоже на стадо мирных деревенских быков. Мирно лежат, мирно жуют, мирно обмахиваются хвостами. Бери хворостину и гони к дому!

Только не ты их погонишь, а они тебя будут гнать. Со скоростью поезда — шестьдесят километров в час! И черная туша в тонну весом будет топтать за спиной, сопеть и плеваться.

А на человека в машине буйволы не обращают никакого внимания: не убегают, не нападают.

Буйволы очень любят воду. В саванне буйволы всегда держатся луж и болот. И только когда совсем пересыхает вода, уходят они на лесные холмы, ища там воду и тень.

Старые быки, грузные и медлительные, собираются в небольшие ста-

да и живут холостой компанией на облюбованном месте. Буйволицы, молодые быки и телята живут смешанными стадами и бродят с места на место.

Львы очень редко нападают на буйволов. Быки сразу же занимают круговую оборону; буйволицы и телята прячутся внутрь «крепости» из их грозных рогов и копыт. И львы, как правило, отступают. Про других же хищников и говорить нечего: все обходят буйволов стороной.

КИБОУО

Неуклюж бегемот только на вид: он быстро бегает, легко плавает и ловко ныряет. Хоть и весом с три тонны. Диковинный зверь: травоядный, а клычищи в полметра!

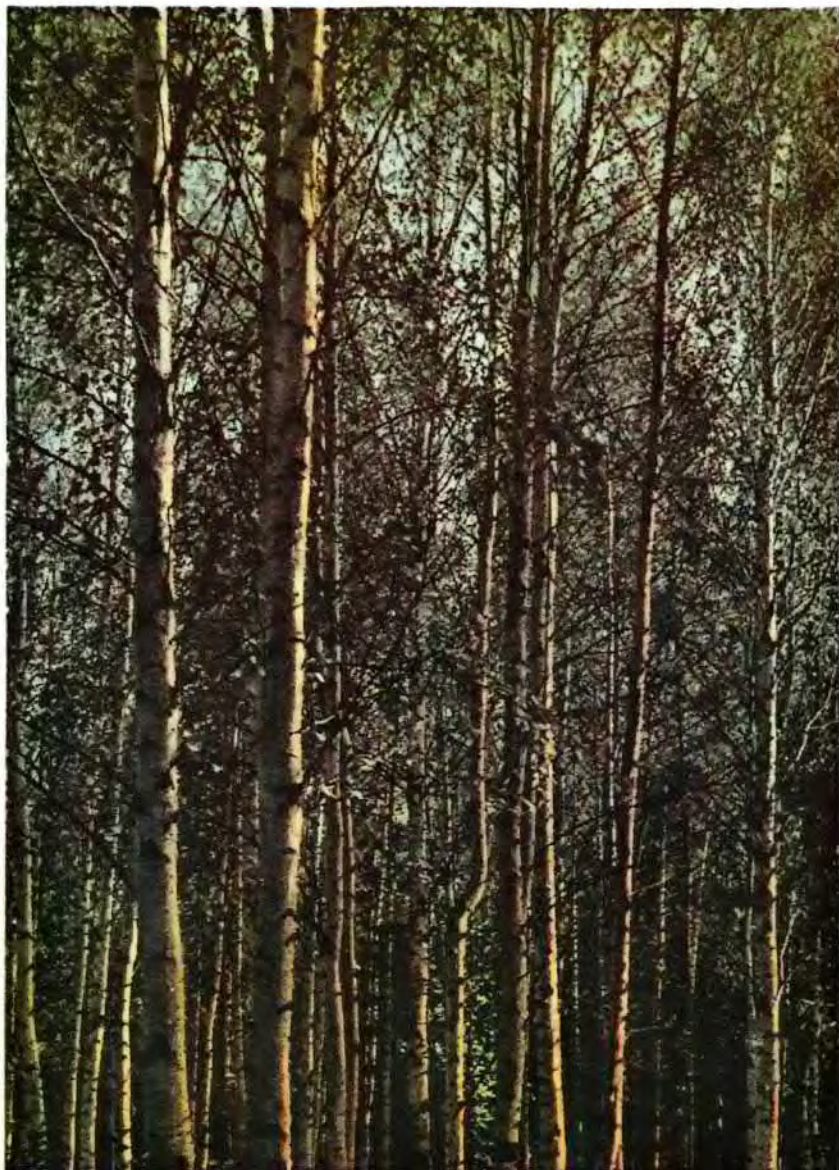
Голос бегемота похож на громкое мычание коровы. Бегемоты переключаются по ночам, как наши деревенские петухи. А днем отлеживаются в воде, выставив наружу только голову или спину.

В густых зарослях тростника бегемотиха устраивает гнездо. В нем она прячет детеныша от львов, гиен, леопардов, а пуще всего — от бегемота-папы. Уж очень этот папа необузданный и дурной: может придавить и затоптать даже собственного ребенка.

А в воде угрожает бегемотику крокодил. Но мама подсаживает детеныша на спину, и он лежит у нее на спине, как на необитаемом острове.

Бегемоты любят зевать во всю широченную пасть! Но не со скуки: это они свою утробу проветривают. Все-таки полцентнера травы и листьев в день. Тяжеленько...

Давно ли я торопился на встречу с миомбо, и вот уже все позади. Летим на север вместе с дождями. Серые полотнища ливней волокутся по туманным, позеленевшим землям Танзании, Кении и Уганды. Утопающая земля: бурные потоки, разлившиеся озера, набухшие болота. Мы выше дождей, у нас наверху солнце и синее небо. Но, всматриваясь в туманную глубину, всем телом чувствуешь вездесущую сырость и промозглость раскисшей топи.

... Совсем недавно под таким вот дождем возвращались мы из Микуми в Дар-эс-Салам. Горы Улугури над селением Морогоро перемешались с синими тучами и взгромозились в небо. Ливень наискось полосовал по стеклу. Из-под колес выплескивались высокие фонтаны оранжевой жижи. Красные обрывы сочились глиняной кровью. Кусты, трава и деревья разбухли от сырости. Уныло выпорхнула на дорогу промокшая африканская кукушка. Оранжево-красные пичужки с черными животами нахохлились на стеблях бурьяна. Промокший масай, сгорбившись, шагал по раскисшей обочине. И не копье у него было в руках, а... зонтик!

В такую погоду слоны в Микуми уходят из саванны в миомбо, под защиту деревьев...

Период дождей. Зеленая зима. Зима с пышной весенней зеленью и проливными дождями осени...

Дожди, дожди! Найроби — вокруг серые пологи ливней. Виктория — озеро вышло из берегов и затопило низины. Озеро Альберта и Белый Нил закутаны в облака. Только к Хартуму расчистилось небо внизу. И стало видно, что и суданская желтая степь тоже позеленела.

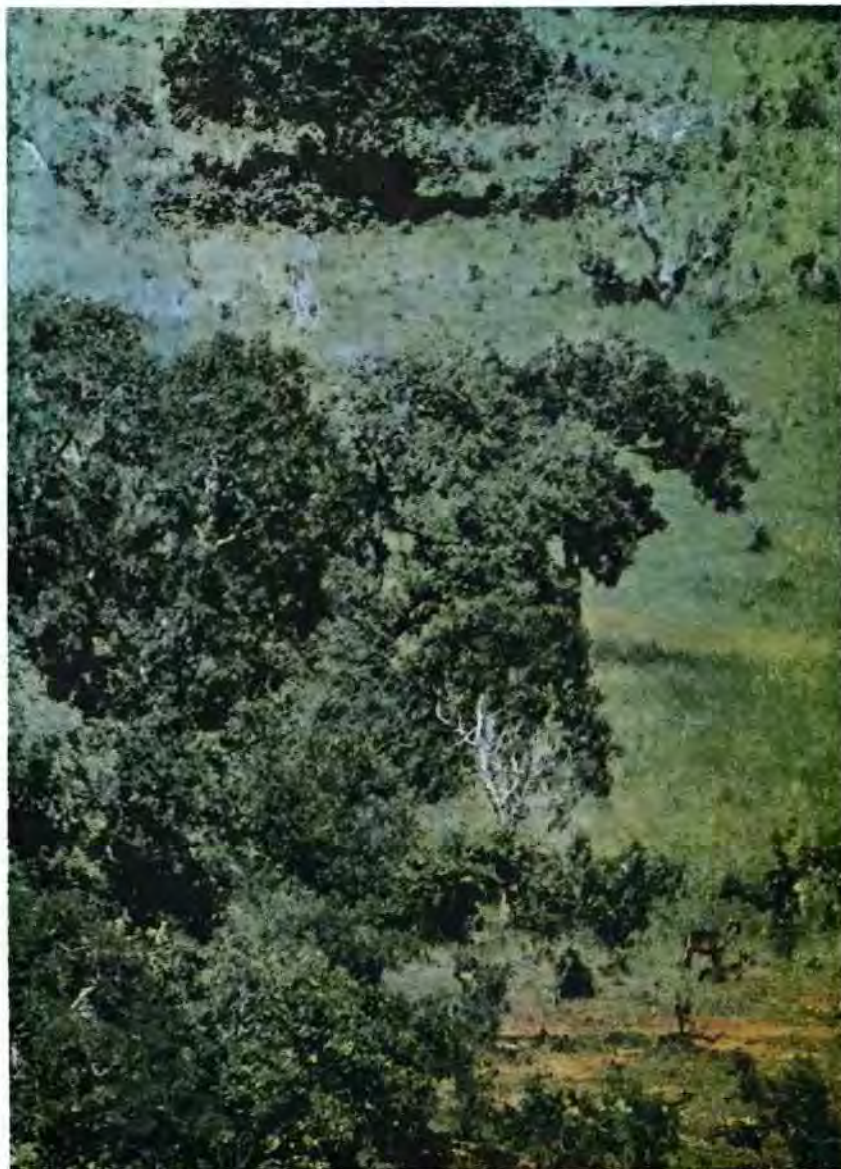
Хартум. Середина апреля. Восемнадцать часов тридцать минут. Вечернее багровое небо. Плюс тридцать девять. Пышет зноем земля. Зимние дожди сюда еще не дошли. Но идут. Уже тяжело стало дышать, и всполохи тихих зарниц тревожно моргают за горизонтом.

Из черного ночного Хартума поднялись до зеленой зари. Снова дорогою журавлей, теперь вдогонку за ними на север. Над Нилом через Судан и Египет, через Средиземное море и через Турцию, над морем Черным — в сторону моря Белого.

Позади остались великие заповедники — островки нетронутой Африки. Африканское прошлое, уцелевшее до сегодня. Войдет ли оно в наше завтра?

Африке не нужны зоопарки. Кто после этой красоты станет смотреть на зверей в клетках? А вот африканских зверей на свободе мечтают увидеть люди всего земного шара. Африка должна сохранить свои заповедники: для себя и для других. И все должны ей в этом помочь.

У нас тоже много больших и удивительных заповедников. Правда, увидеть зверей в них не так-то просто: они не приспособлены еще

для осмотра туристами. Но в некоторых заповедниках уже об этом задумываются. Нельзя, конечно, разрешить туристам бродить по заповеднику, где им вздумается. Но почему бы не проложить специальные автомобильные маршруты? К гнезду орла на высокой скале, к выпасу сайгаков, к водопою джейранов? Машина никого не пугает, если запретить из нее выходить. А где не пройдут машины — проторить «тропинки встреч». К солонцам, к которым приходят олени; мимо скал, где живут серны и туры; на горные луговины, где пасутся медведи и туры. А скрытые засидки для любителей рисовать, фотографировать и записывать на магнитофоны? У гнезд, на токах, на перелетах. В местах рева оленей, схваток косачей, плясок журавлей, стрепетов, турухтанов? Да мало ли где! Тысячи любителей природы готовы на любые испытания, лишь бы побыть с природой с глазу на глаз. И если все хорошенько продумать, то и посетители будут довольны и заповедность не пострадает. Тысячи людей готовы бросить охоту, но им жалко расставаться с природой. В США проверили: в сезон охоты на одном гусином болоте на одного охотника оказалось сто неохотников, приехавших просто посмотреть на гусей!

Фазан или косач, которым цена-то рубль, смогут — не потеряв и пера! — заработать для заповедника сотни рублей. Если, конечно, подумать и посчитать...

А под крылом тянулась уже знакомая заснеженная равнина с жидким ворсом голых лесов. Рыжели веснушки-проталины, темнели болота и реки. Такой видят родную землю журавли, возвращаясь весной из Африки.

Моросил первый весенний дождь. Зимние ливни зеленой африканской зимы остались далеко позади.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГОЙ ЖУРАВЛЕЙ	7
СНЕГ НА ЭКВАТОРЕ	17
МИКУМИ	29
САВАННА	51
МИОМБО	69
ЗАКЛИНАТЕЛИ	85
БОЛЬШАЯ ПЯТЕРКА	107
ДОМОЙ	123

Для среднего возраста

Сладков Николай Иванович

МИОМБО

Ответственный редактор Ю. И. Смирнов.
Художественный редактор В. В. Куприянов.
Технический редактор Т. Д. Раткевич.
Корректоры Л. Л. Бубнова и В. Г. Шишкина.

Сдано в набор 27/XI 1975 г. Подписано к печати 7/IV 1976 г. Формат 70X90^{1/16}.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 9. Уч.-изд. л. 8,29. Тираж 100 000 экз.
М-38269. Заказ № 147. Цена 1 руб. Ленинградское отделение ордена Трудового
Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187,
наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного
комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

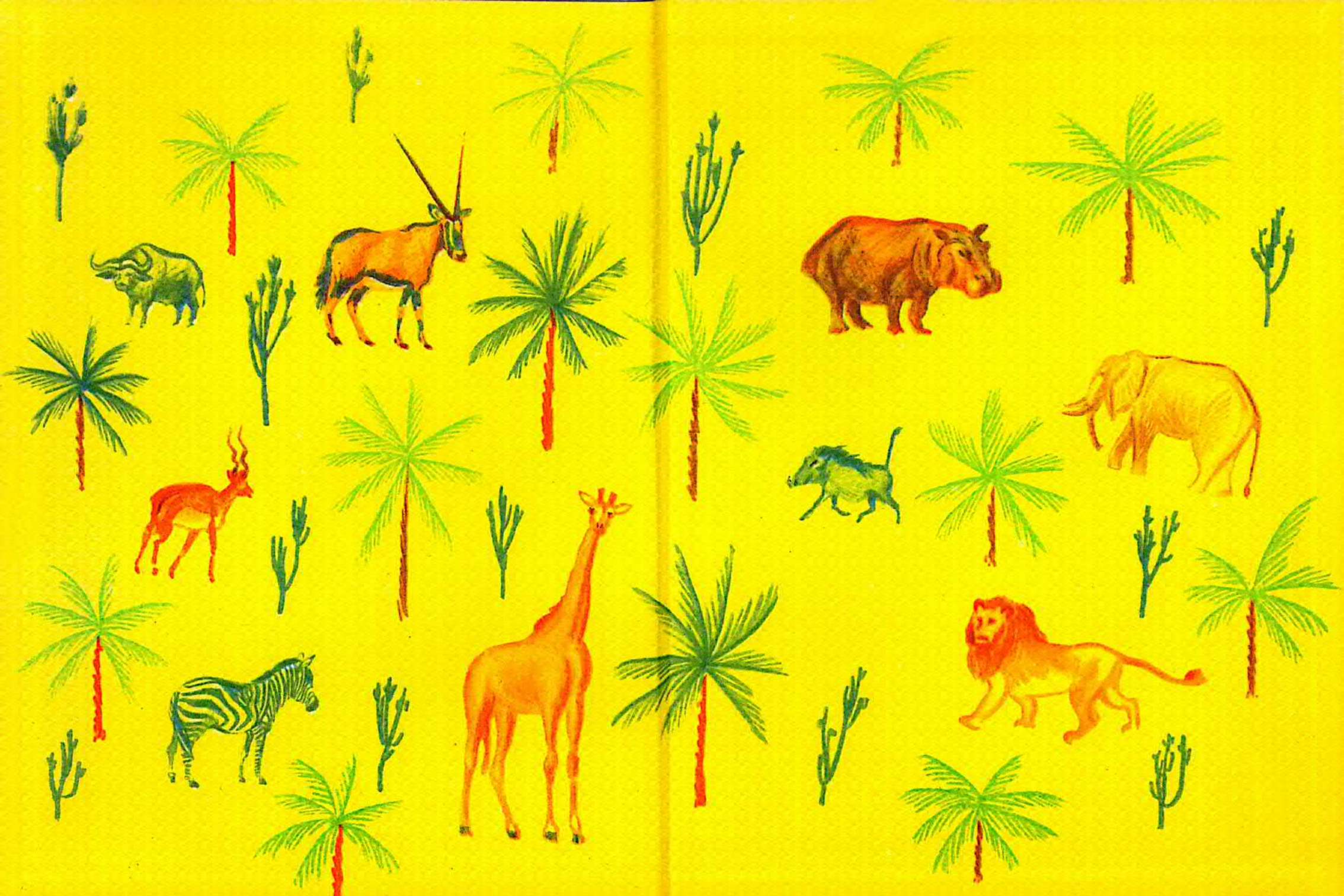

Сладков Н. И.

С 47 Миомбо. Очерки. Макет и оформление А. Карпова. Фото автора. Л., «Дет. лит.», 1976.

127 с. с ил.

Миомбо — своеобразный ландшафт африканской страны Танзании. Здесь, на невысоких холмах, поросших редкими лесами, водятся удивительные животные, взятые человеком под охрану. Очерки, рассказы и фотографии, помещенные в книгу, познакомят читателя с обитателями миомбо.

1 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

